

Юкио Месима
Перевод с японского - Г. Чхартишвили

Мой друг Гитлер

Пьеса в трех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Адольф Гитлер
Эрнст Рем
Грегор Штрассер
Густав Крупп

ВРЕМЯ ДЕЙСТВИЯ:

июнь 1934 г.

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ:

Берлин, резиденция рейхсканцлера

Действие первое

Большая гостиная берлинской резиденции рейхсканцлера. В глубине сцены - балкон. На нем, спиной к зрителям, стоит Гитлер в смокинге и произносит речь, время от времени прерываемую восторженными криками толпы. Справа от Гитлера - Рем в форме штурмовика, слева - Штрассер в обычном костюме. Оба, как и Гитлер, стоят к зрительному залу спиной. Речь Гитлера, как и крики, начинается еще до поднятия занавеса и продолжается после того, как занавес поднят.

ГИТЛЕР. Вдумайтесь, господа! Сегодня наша Родина, покончив с эпохой позора, шаг за шагом движется к новой эпохе - независимости и созидания. Вспомните, что было восемнадцать лет назад. Год тысяча девятьсот шестнадцатый, в разгаре Великая война. Я простой, мужественный солдат. Ранен на фронте, лечусь в Беелитцком госпитале. И одолевают меня мысли, от которых все нутро как огнем горит. Уже закопошились гнилостные бактерии, которые потом, после войны, разложат душу германского народа. Над честными солдатами в госпитале издеваются. Мерзавец, нарочно разодравший руку о колючую проволоку, чтобы попасть в тыл, похваляется своей подлой изобретательностью. Да еще заявляет, что его гнусный поступок требует куда большего мужества, чем героическая гибель на поле брани. Как вам это нравится, а? Будущее разложение уже гнездились в нашем тылу! Уже тогда зрело все это - и послевоенное разрушение всех и всяческих ценностей, и трусливый пацифизм, и эта смрадная демократия, и заговор евреев, радующихся поражению нашей Родины, и омерзительные замыслы коммунистов! Представляю, какие горькие слезы лили, взирая на несчастную Германию, духи погибших героев, - оттуда, из золотых залов Вальгаллы, куда унесли их валькирии. Каким гневным гулом откликнулись на эти скорбные стенания высокие потолки, выложенные щитами, и разложенные по скамьям Вальгаллы доспехи - как вспыхивали они бликами от горящих на столах светильников! Но теперь стенания героев умолкли. Ложь, грязь, позор смыты раз и навсегда. С января прошлого года, с тех пор как я стал рейхсканцлером, боги возложили на мое правительство, верное интересам страны, особую миссию. Коммунистическая партия, затеяв гнусный поджог рейхстага, сама вырыла себе могилу. В нашем рейхстаге нет больше этих предателей Родины! Нет больше

антинародной своры социал-демократов! Нет больше католической партии Центра, этой пацифистской заразы! Осталась только одна партия - Национал-социалистическая немецкая рабочая партия, наследница славных традиций отчизны, строительница будущей могущественной Германии!

Где-то в середине речи на сцене появляется Густав Крупп - пожилой, с тростью. На минуту останавливается, слушая речь, потом зевает и проходит в центр сцены. Садится в кресло лицом к зрителям и ждет со скучающим видом. Потом подает знак Рему, но тот не обращает внимания. Наконец, Рем оборачивается, видит Круппа и осторожно, косясь на Гитлера, выходит в центр сцены. Их разговор с Круппом начинается после слов Гитлера: "...будущей могущественной Германии!" После восторженных криков толпы речь Гитлера продолжается, но зрителям слов уже не слышно - они видят лишь жестикуляцию оратора.

РЕМ. Вы опять мешаете Адольфу выступать.

КРУПП. Его речи пикантнее слушать не спереди или сбоку, а отсюда, с изнанки. Пение настоящей примадонны слышно и за кулисами. Это мое давнее пристрастие, знаете ли, - ждать за сценой, прижимая к груди букет.

РЕМ. Вы и сегодня с букетом?

КРУПП. Да. Из железа... Милейший Рем, вот вы всех нас, капиталистов, без разбора называете реакционерами. А возьмите компанию "Крупп". Вы думаете, я, председатель правления, могу хоть как-то повлиять на ее деятельность? Ею всегда руководила воля Железа, дух Железа, даже мечты Железа. Вы что же думаете, Железу приятно, что после войны компания делает из него проекторы для кинематографа, кассовые аппараты и всякие там кастрюли? Мечты Железа разбиты вдребезги. Вы думаете, его радует прикосновение вялых пальцев женщин, детей и мелких лавочников? Долг рода Круппов - осуществлять мечты Железа.

РЕМ. Ну и осуществляйте себе.

КРУПП. Вы, Рем, человек военный. Все у вас просто.

РЕМ. Да, - я солдат. Но я не из тех вояк, что любят дрыхнуть после обеда, лишь бы не потревожить жирное брюхо, увешанное орденами. Настоящий солдат молод, груб, ни черта не боится, ест как слон и пьет как лошадь, может под горячую руку расколошматить шикарную витрину, может, заступаясь за обиженных, и кровь пустить. Настоящий солдат отважен, благороден, бесшабашен.

КРУПП. Это что, кодекс штурмовых отрядов?

РЕМ. У меня, начальника штаба СА, есть мечта. Хочу, чтобы такие вот бойцы стали ядром рейхсвера и вышибли из армии старых диабетиков-генералов... А он говорит: миссия штурмовиков выполнена. Не понимаю...

КРУПП. Кто говорит?

РЕМ. Адольф... Да нет, не может он так думать. Кое-кто заставляет его так говорить...

Здесь разговор Круппа и Рема перестает быть слышен, и снова доносится речь Гитлера.

ГИТЛЕР. ...но не будем забывать, господа. Революция не может продолжаться вечно. Насильственное ее затягивание может привести народную экономику к краху. Нельзя допустить, чтобы в Германии вновь воцарились голод, инфляция, разруха. Только этого и ждут наши враги! Сейчас, сегодня начинается великая эра созидания. Революцию, этот потоп, прорвавший плотину, необходимо направить в безопасное русло, имя которому Прогресс. В нашей программе нет места тому, что проповедуют ниспровергатели - эти безумцы, эти кретины! Наша программа призывает к постепенному, осмотрительному, мудрому осуществлению единственно верной, устремленной к богам идеи. Настоящий социалист - тот, кто понимает: нет идеи более высокой, чем процветание Отчизны, кто всей душой верит в слова нашего великого гимна: "Германия, Германия превыше всего!" Господа! Сегодня мы, весь наш единый народ, должны взять в руки не оружие, а молот и выковать новую, славную Великую Германию!

Здесь речь Гитлера вновь становится беззвучной, а слышен диалог Круппа и Рема.

КРУПП. Как вам понравилось про молот? Промышленники из Эссена ворчат: "Гитлер хочет нас разорить". Кажется, он их услышал.

РЕМ. Гитлер - отличный товарищ. Даром что стал рядиться в эти поганые смокинги и фраки, но сам все такой же. Он верен старой дружбе.

КРУПП. Верен? Что же он тогда вас министром так долго не решался сделать?

РЕМ. О, Гитлер - голова! Хотя мы и пришли к власти, но руки у нас пока связаны, все не так просто. Прежде чем он смог ввести меня в кабинет министров, ему пришлось выдержать немало схваток, расчистить место... Кто мерзавец, так это Геринг. Идиот, увешанный орденами. По-настоящему-то он заслужил только прусский "Крест за доблесть". С тех пор как прошлым летом рейхспрезидент произвел его в генералы, он прямо раздулся от важности. Ведет себя так, будто за ним - вся армия! Это из-за него между армией и СА кошка пробежала. И что он говорит, мразь! "Штурмовые отряды больше не нужны, их надо распустить". Да как он смеет?! Это он мне - человеку, создавшему трехмиллионную штурмовую армию, в десять раз больше рейхсвера!.. Когда я возглавил СА, штурмовиков было всего десять тысяч. За каких-то два-три года я увеличил личный состав в триста раз!

КРУПП. Ну что вы, милейший Рем, разве может кто-нибудь согнать вас с вашего насеста? Для вас военная форма - как оперение для орла. Если эти перышки ошипать, вы ведь просто жить не сможете. Лучше всего орел смотрится в виде чучела.

РЕМ. Это верно, я солдат до мозга костей. В мундире мне спать удобней, чем в пижаме. Мундир сросся с моей шкурой. Я и мальчишкой мечтал только об одном - стать солдатом. Помню, когда десять лет назад увольнялся из армии, жизнь была не мила. Но теперь я очень хорошо понимаю: нельзя доверяться армии, лишенной революционного духа, армии идиотов, в которой и поныне всем управляют эти пруссаки-генералы. Иначе мы проиграем и следующую войну!

КРУПП. Но ведь вы создали армию, о какой мечтали. Три миллиона солдат - сила.

РЕМ. Только силу эту держат на положении пасынков.

КРУПП. Не стоит расстраиваться. Все еще наладится.

РЕМ. Вы, господин Крупп, всю жизнь прожили в шелковой рубашечке. Разве можете вы понимать, какая это красивая, четкая штука - армия.

КРУПП. Нет, откуда же. Зато мое железо очень хорошо это понимает. Когда его плавят в моих огненных печах, оно мечтает о холодной казарме.

РЕМ. Армия - это рай для мужчины... Утреннее солнце просеивается сквозь листву, его лучи сияют медным блеском, и эта медь превращается в медь горна, трубящего побудку. В армии все мужчины - красавцы. Когда молодые парни выстраиваются на утреннюю поверку, солнце вспыхивает на их золотых волосах, а их голубые, острые как бритва глаза горят огнем разрушения, скопившимся за ночь. Мощная грудь, раздутая утренним ветром, полна святой гордости, как у молодого хищника. Сияет начищенное оружие, блестя сапоги. Сталь и кожа тоже проснулись, они полны новой жаждой. Парни, все как один, знают: только клятва погибнуть смертью героев может дать им красоту, богатство, хмель разрушения и высшее наслаждение. Среди дня солдаты благодаря маскировке сливаются с природой. Они превращаются в изрыгающие огонь деревья, в несущие смерть кусты. А вечером их, вечно покрытых грязью, потных, с грубоватой приветливостью встречает казарма. Разрушения, учиненные днем, ложатся на лица парней кровавым отсветом заката. Они чистят свое оружие и, вдыхая запах масла и кожи, сверяют впитавшуюся в их плоть варварскую поэзию с самоощущением сине-черной массы зверей и минералов, которые составляют основу нашего мира. Ласковый голос отбоя своими легкими медными пальцами натягивает на лица грубые солдатские одеяла, меланхолично обдувает сомкнутые длинные ресницы, приносит сон. Солдатская жизнь пробуждает в человеке все истинно мужское, все героическое. Она похожа на устрицу, в которой под скорлупой таится сладкое и сочное мясо. Такова же и сладость души солдата: решимость вместе жить и вместе погибнуть украшает внешнюю суровость солдата лучше любых галунов... Есть такой как бы закованный в панцирь жук - носорог называется, - так вот

он питается только сладким соком растений,

КРУПП. А в чем, собственно, миссия ваших штурмовых отрядов?

РЕМ. Революция. Вечно обновляющаяся революция. СА - это своего рода судно-землечерпалка. Это мощный кран, который соскребает с морского дна всю грязь и углубляет его. И потом по фарватеру могут проходить большие океанские корабли.

КРУПП. Однако вместе с грязью ваша землечерпалка поднимает со дна и трупы.

РЕМ. А нередко и тех, кто еще жив. Господин Крупп, мы черпаем нашим мощным стальным ковшом всякую гнусь и мерзость - порок, загнивание, реакцию, безделье, интернационализм. И не прекратим работу до тех пор, пока не вычистим всю эту грязь до конца.

КРУПП. И делаете вы это для того, чтобы следом могли пройти большие корабли?

Пауза. Доносится рев толпы.

Во всяком случае, я понял одно. Для вас, Рем, самое важное - армия... Но ведь так же считает и Гитлер?

РЕМ. В дни боев, в Мюнхене, он был мне верным товарищем по оружию... Это ничего, что Адольф нынче заделался таким франтом. Он и теперь мой товарищ по оружию.

Резко поднимается, идет на балкон и вновь встает справа от Гитлера, спиной к залу.

ГИТЛЕР. ...Итак, господа, великая борьба германского народа вступила в новую стадию. Красная угроза искоренена, и наш бульдозер прорвался в ровную и просторную долину. На новом этапе первоочередной нашей задачей становится воспитание. Такое воспитание, которое позволит нам выковать германца, достойного новой великой Германии. Нам не нужна больше вся эта малокровная, пустословящая профессорская братия. Не нужны больше хилые, не способные держать винтовку, самовлюбленные, раздражающиеся истеричными пацифистскими воплями импотенты-интеллигенты! Не нужны антинародные учителя, вбивающие детям в головы космополитические бредни, отрицающие и искажающие историю Родины! Немецкий учитель должен воспитывать наших юношей так, чтобы они росли мужественными и прекрасными, как бог Водан, чтобы могли, оседлав белоснежного коня, взмыть на нем в самое небо. Верно я говорю?.. Каждый из вас, людей сознательных, должен стать таким учителем. Вы должны воспитывать те миллионы немцев, которые еще не стали преданными бойцами партии. В день, когда эта задача будет выполнена, национал-социалистическая революция обретет незыблемость скалы.

Во время этой речи Крупп опять сидит со скучающим видом. Подает знаки Штрассеру. Тот наконец подходит, и после слов Гитлера "незыблемость скалы" зрители слышат диалог Штрассера и Круппа.

ШТРАССЕР. У вас дело, господин Крупп?

КРУПП. Да нет. Просто странно видеть, как вы и Рем, кошка с собакой, столь идиллически, будто в прежние времена, стоите рядышком, справа и слева от Гитлера.

ШТРАССЕР. Мне и самому странно. Гитлер давно уж меня близко к себе не подпускает, а тут вдруг ни с того ни с сего вызвал. Приезжаю - а он, оказывается, и Рема пригласил. Так и косимся с ним исподлобья друг на друга. И еще эта вечная манера Гитлера: стой и жди, пока он закончит свои бесконечные словоизлияния, а дело - потом. Чувствую, что весь разговор о важном займет две-три минуты. Правда, о чем пойдет речь, - понятия не имею.

КРУПП. М-да, ситуация... Ну а все-таки, милейший, о чем, по-вашему, может быть разговор?

ШТРАССЕР. Надеюсь, о том, как наконец раз и навсегда покончить с реакционными капиталистическими акулами вроде вас.

КРУПП. Спасибо за лестный эпитет. Всякий, кто нуждается в моей помощи, считает своим долгом обзывать меня нехорошими словами. Какая спокойная жизнь настала два года назад. Мы помогли доктору Шахту, спасли партию нацистов от банкротства, выплатили ее долги, - впрочем, не столь уж значительные. Полагаю, сегодняшним своим положением партия в немалой

степени обязана нам. Вас же, Штрассер, в деловых кругах называют "кумиром голодранцев". Разве можно экономику страны отдавать на растерзание субъекту, который только и умеет, что рабочих баламутить?

ШТРАССЕР. А вам, господин Крупп, не кажется, что вновь приближается мое время? Партия-то на волоске висит. Снова грядет тридцать второй год. Глядишь, судьба еще и сдаст мне козырную карту, нет?

КРУПП. Что ж, возможно, возможно. Я понимаю, куда вы клоните, так что не трудитесь продолжать. Круппы иногда умеют становиться глухими.

ШТРАССЕР. Когда я демобилизовался из армии, то стал аптекарем и женился. Тогда-то и сформировалась моя идеология, и ничуть с тех пор не изменилась. Позиция у меня всегда одна и та же - все дело в том, удобна она в данный момент Гитлеру или нет. Вы, господин Крупп, оружейник, а я - аптекарь. Конъюнктура - штука непостоянная. Есть время дырявить людям брюхо пулями, и есть время спасать людям жизнь. Лекарство, которым я торгую, действует безотказно, вылечивает даже обреченных. Ну, есть, конечно, и побочные эффекты - отрицать не стану. Увы, придется вам, ради идеи национал-социализма, ради страны, расстаться с вашими заводами и землями. Оденем вас, господин Крупп, в спецовочку - боюсь только, видок в ней у вас будет так себе - и научим токарничать. Даже перекур у вас будет - подымить дорогой сигарой.

КРУПП. Партийные бонзы, значит, будут на "мерседесах" по виллам раскатывать, а бедный Крупп - гнущаяся у токарного станка?

ШТРАССЕР. Именно, господин КРУПП. Это-то больше всего и нужно Германии. Жаль только, Гитлер со мной не соглашается. Германия ждет от нас бескорыстного служения и решительных действий, а не болтовни. И такие люди, как вы, должны подать пример: вернуть стране военные барыши, распахнуть для народа свои закрома, забыть об охотничьих угодьях и прочих английских штучках, а вместо шампанского пить молоко с добрых немецких пастбищ.

КРУПП. Молоко?! Да я от него заболею.

ШТРАССЕР. Помнится, и Рем говорил нечто подобное. Уж не мальчик, казалось бы, а все в солдатики играет... "Хочу вырастить таких парней, которые утоляют жажду только вином". Какое будущее ждет Германию с такими парнями? Рем у нас эталон мужественности - пьет как лошадь.

КРУПП. А вы - любитель молока, да? Социалист, ратующий за крепкое, здоровое завтра? За молочно-белое будущее? Нет уж, слуга покорный, по мне лучше умереть.

ГИТЛЕР. ...взвзявшись за руки, вперед, в светлое будущее! Я поведу вас за собой! Я - ваш вождь, ваш впередсмотрящий. Я смету все преграды на вашем пути, обезврежу все минные поля, мерная поступь вперед нашего могучего марша не будет нарушена ничем - я гарантирую это! Слава Германии! Слава Германии!

Штрассер уже на балконе, слева от Гитлера. Толпа скандирует: "Хайль Гитлер!" Крупп неохотно поднимается на ноги. Гитлер поворачивается лицом к залу. Он возбужден, вытирает пот с лица платком.

КРУПП (идет ему навстречу, протягивая руку). Браво, браво. Это была отличная речь, Адольф.

ГИТЛЕР. Как реакция слушателей?

КРУПП. Большого экстаза просто не бывает.

ГИТЛЕР. Вы оттого так говорите, что не видели толпы. (Рему.) Твое мнение, Эрнст?

РЕМ. По-моему, отличная реакция.

ГИТЛЕР. А ты видел там, в восточной части площади, под фонарем, женщину в желтой юбке? В самом важном месте моей речи она резко повернулась спиной и пошла прочь. Она нарочно надела яркую юбку, чтоб я ее заметил, нарочно встала на виду и ушла - демонстративно ушла! Еврейка. Я просто уверен...

Гитлер и Крупп садятся в кресла. Рем и Штрассер стоят чуть поодаль.

Чем дольше живу здесь, тем меньше нравится мне эта резиденция - мрачное, угрюмое здание. А я так рвался сюда, хотел, чтобы здесь был мой дом - самому не верится... Впрочем, к делу. Спасибо, господин Крупп, что пришли. Как видите, я вызвал двух своих старых товарищей. Переговорю с

ними, а потом мы, не спеша, с вами побеседуем. А пока отдохните немного, посидите в приемной, хорошо?

КРУПП. Как прикажете, господин канцлер. Но не забывайте, пожалуйста, что человек я старый и что время мое ограничено.

Встает и оценивающе смотрит на Рема и Штрассера.

ГИТЛЕР. Эрнст, ты - первый.

Круп и Штрассер выходят. Рем с радостным видом подходит к Гитлеру и жмет ему руку.

РЕМ. Как я рад, Адольф. Это была мощная, красивая речь. Ты - настоящий художник.

ГИТЛЕР. Ты хочешь сказать: художник, но не солдат?

РЕМ. И это тоже. Господь Бог назначил каждому свою роль: Адольф - художник, Эрнст - солдат.

ГИТЛЕР. Как дух твоих парней?

РЕМ. Их дух зависит от тебя, Адольф.

ГИТЛЕР. Об этом после. Из-за всех этих заседаний давно не было времени толком поговорить с тобой. Но, я вижу, ты все так же бодр, молод, энергичен. Тебя что, как Вотана, поят священным медом? Хорошо, что ты пришел. Знаешь, так захотелось послать к черту все эти государственные дела и просто поговорить со старым, добрым другом о минувших днях.

РЕМ. О двадцатых, да? Десять лет прошло... Легендарная эпоха, эпоха борьбы.

ГИТЛЕР. Когда я в первый раз встретился с тобой - в Мюнхене, помнишь? - я почувствовал сразу: это - товарищ. Господин капитан Эрнст Рем из штаба Мюнхенского военного округа... Помню, я вытянулся по стойке "смирно" и отсалютовал. (Отдает честь.)

РЕМ (весело улыбаясь). "Ефрейтор Гитлер, я объясню вам, как важна поддержка военных для создания партии, как необходима армейская дисциплина для партийной организации, как полезно знание стратегии для партийной политики. Отныне моя жизнь и моя судьба принадлежат вам"... Этак поклялся я тогда самому себе. И клятву исполнил. Я привлек на твою сторону военных, на деньги из секретного армейского фонда купил для тебя газету. Я собирал добровольцев и резервистов, учил тебя азбуке военных наук, я шел с тобой плечом к плечу через все бури той эпохи обмана и предательства.

ГИТЛЕР. Ты, Эрнст, всегда был храбрецом.

РЕМ. Иногда, правда, нас заносило.

ГИТЛЕР. И сейчас заносит.

РЕМ (делая вид, что не расслышал). А как здорово мои штурмовики всыпали красным на митинге в "Хофбройхаузе" в ноябре двадцать первого! Расписали мы их бледные хари под цвет их знамени.

ГИТЛЕР. А помнишь историю с сапогом? Крысу Адорста помнишь?

РЕМ. С сапогом? Еще бы! Еле ноги унесли после очередной передряги. Смотрю на себя - вроде цел. Сам-то цел, а сапог смертельно ранен на поле брани!

ГИТЛЕР. Ну да - носок прострелен, и подметка разевает пасть.

РЕМ. Я хотел к сапожнику бежать, а ты говоришь: "Нет, постой".

ГИТЛЕР. Я сразу понял: героический сапог командира штурмовиков - это же памятник славной борьбы, он еще пригодится поднимать дух бойцов. Ты себе купил новые сапоги, а я твой старый, простреленный, отполировал как следует и поставил в наш штаб, на полку.

РЕМ. А потом какая-то сволочь сунула в сапог кусок сыра.

ГИТЛЕР. Жалко не нашли кто. Какой-нибудь еврей.

РЕМ. Ага, сунул в сапог сыр! Как-то раз, ночью, захожу я в штаб, вдруг слышу - кругом тишина, а откуда-то: хруп-хруп, хруп-хруп. Смотрю - из дыры в сапоге крысиная морда высовывается.

ГИТЛЕР. Ты рассвирепел, хотел ее немедленно прикончить.

РЕМ. А ты опять: "Нет, постой".

ГИТЛЕР. Кто подложил сыр - вопрос особый. Но мужественная крыса, с риском для жизни пробравшаяся в твой исторический сапог, показала мне хорошим предзнаменованием, предвестницей удачи.

РЕМ. И с тех пор ты велел каждый вечер подкладывать в сапог по кусочку

сыра.

ГИТЛЕР. Крыса мало-помалу привыкла. Помнишь, сидим мы с тобой вдвоем, беседуем ночь напролет, а она вылезает, бесстрашно подбирается поближе и сидит, смотрит. Я решил, что пора дать ей имя.

РЕМ. Я как-то прихожу, а у нее на шее зеленая ленточка. На ленточке написано: "Эрнст". Разозлился - страшное дело. (Оба хохочут.) Но виду не подал. А на следующий день приходишь ты в штаб...

ГИТЛЕР. Пришла моя очередь беситься. У крысы на шее красная ленточка и написано: "Адольф". (Хохочут.) Скандал, драка! Десять лет... да, каких-то десять лет назад тогда мы были еще достаточно молоды, чтобы устраивать казарменные розыгрыши и драться... Ну, мне с тобой было, конечно, не справиться. И я предложил компромисс. С тех пор крыса носила белую ленточку, на которой красовалась надпись: "Адорст". Из Адольфа и Эрнста получилась крыса по имени Адорст.

РЕМ. Да-а, крыса Адорст... До такого и брата Гримм не додумались.

ГИТЛЕР. Занятная была крысенция.

РЕМ. А куда она потом-то делась?

ГИТЛЕР. Исчезла куда-то.

РЕМ. Наверно, сдохла.

ГИТЛЕР. Скорее всего. (Поет.)

Вместе погибнуть...

Рем (подхватывает).

...вместе сражаться

Взявшим винтовки на этом пути.

В битве кровавой пусть загорятся

Алые маки на нашей груди...

Мы часто пели тогда эту песню. Сильная была песня. Музыка и слова Адольфа Гитлера. Почему ты теперь не позволяешь партийцам ее петь?

ГИТЛЕР. Не валяй дурака. Студентом, в Вене, я и оперу пробовал писать, мало ли что.

РЕМ. "Кузнец Виланд". Так она называлась, да? А куда ты дел партитуру?

ГИТЛЕР. Весной я часто ходил гулять в Венский лес один. Как-то раз дошел даже до перевала Зоммеринг. И бросил нотные листы с кручи - их развеял ветер. Альпийские долины были еще покрыты снегом, и моя музыка медленно кружилась, падая вниз. Листки, упавшие на снег, терялись на белом. Зато те, что попали на первые весенние проталины, казались сверху эдельвейсами... Эх, Эрнст, по-настоящему мне следовало бы посвятить свою жизнь искусству.

РЕМ. Превосходно! Адольф - человек искусства, Эрнст - человек военный. Возьмемся за руки - и вперед.

ГИТЛЕР. Ты полагаешь, такое возможно и сейчас?

РЕМ. Конечно, возможно.

ГИТЛЕР. Ну-ну... Да, жаль, что я оставил искусство. Подобно великому Вагнеру, я крепко держал бы кастрюлю этого мира за ручки, имя которым Смерть и Тщета. Я бы вываливал страсти представителей людского рода на сковороду и, как опытный повар, поджаривал бы их на вечном пламени великана Сурта. Это занятие куда более приятное, да и славу бы я приобрел куда более лестного свойства. А то стал канцлером и слышу, как по углам шепчутся: "Происхождения самого низкого, и образования, образования - практически никакого!.." Я хочу, чтобы ты, Эрнст, вспомнил, чему ты учил меня, что вдалбливал в мою голову, когда был капитаном?

РЕМ. Что?

ГИТЛЕР. Ты же сам только что сказал: "Как важна поддержка военных для создания партии". Вот чему ты меня научил.

РЕМ. Ну и что?

ГИТЛЕР. Вот и воскреси в памяти свой собственный урок.

РЕМ. Теперь дела обстоят иначе.

ГИТЛЕР. Нет, законы политики всегда неизменны.

РЕМ. Ладно, давай начистоту. Конечно, ты прав: поддержка военных необходима, была необходима тогда, необходима она и сейчас. Но в те годы ты стремился обрести ее в интересах партии, а теперь она тебе нужна для

самого себя. Ты хочешь стать рейхспрезидентом. Гинденбург на ладан дышит, ему и до осени не дотянуть.

ГИТЛЕР. Не говори так, Эрнст. Это слова политического врага. Товарищи говорят между собой другим языком.

РЕМ. Хорошо, давай другим. Пускай ты станешь преемником фельдмаршала Гинденбурга. Я - за. Я помогу тебе в этом всем, чем смогу. За тобой стоит новая армия - три миллиона штурмовиков.

ГИТЛЕР. Вот я и...

РЕМ. Не перебивай. Но я не хочу, чтобы ты стал преемником коррупции и реакции. Я не хочу, чтобы ты стал рейхспрезидентом, торгуя идеей, чтобы ты предал нашу Новую Германию, созданную нами с таким трудом! Не хочу, чтобы ты опирался на всю эту свору - на капиталистов, юнкеров, дряхлых консерваторов и дряхлых генералов, на бездарных снобов-аристократов, задиравших передо мною носы в офицерском клубе, на прусских вояк - белоподкладочников, которым нет дела до революции и народа, на жирных лавочников, которые с утра уже рыгают пивом и жареной картошкой, на чиновников с наманикюренными ногтями! Таким путем идти ты не должен. Я сдохну, но не допущу этого!

ГИТЛЕР. Эрнст!

РЕМ. Нет, ты слушай! Я хочу, хочу, чтобы ты был рейхспрезидентом. От всего сердца хочу. Но сначала давай вместе сметем весь мусор с этой прогнившей земли. Что такое эта твоя военщина? Они грозны только на словах - пустые чучела, одетые в мундиры и сверкающие позументами. В Германии есть только одна армия - революционная. Это мои отряды СА, три миллиона бойцов... Ты только послушай, Адольф! Когда закончится великая чистка, мы застелим белоснежным ковром всю главную площадь Берлина и на ней провозгласим тебя рейхспрезидентом. Не забывай - революция еще не окончена. Будет новая революция, и после нее Германия возродится по-настоящему. Знамя со свастикой, раздуваемое свежим ветром, будет реять над юной, возрожденной страной Вотана, которая скинет с себя гниль и нечисть. Это будет страна ясноглазых, прекрасных, мужественных воинов, крепко взявшихся за руки - могучие, словно ветви дуба. И вождем этого государства будешь ты, Адольф. Вот такая ослепительная судьба уготована тебе. Ради этого я не пожалею и жизни.

ГИТЛЕР. Благодарю, Эрнст. Я тебя понимаю. И не сомневаюсь в твоей искренности.

РЕМ. Не связывайся с армейскими.

ГИТЛЕР. Ты хочешь сказать, что если ты из армии ушел, то это уже не армия?

РЕМ. Именно. У тебя есть армия штурмовиков.

ГИТЛЕР. Но армия все-таки продолжает существовать. Ведь ты не станешь этого отрицать?

РЕМ. В этой армии я разочаровался.

ГИТЛЕР. Разочаровался ты в ней или нет, она все равно существует. И ничего тут не поделаешь.

РЕМ. Ну, если можно называть армией армию, лишнюю революционного духа...

ГИТЛЕР. Раз оружием бряцает, - значит, армия.

РЕМ. Не забывай, Адольф, это я научил тебя всему, что ты знаешь об армии.

ГИТЛЕР. Ладно, ладно, Эрнст, не заводись. Надеюсь, ты тоже не забыл, сколько я сделал для твоих штурмовых отрядов - и как друг, и как боевой соратник. Ты сам все развалил... Нет уж, теперь ты послушай. С самого начала ты мечтал влить СА в армию, превратить штурмовиков в ядро рейхсвера. Ты верил: впервые в истории у Германии будет народная, революционная армия. Так?

РЕМ. Да, так. Но замшелые генералы...

ГИТЛЕР. Брось, у тебя тоже ошибок хватало. Что вытворяют твои штурмовики уже второй год? И нечего удивляться, что военные от вас нос воротят. Кто устраивает в подвалах и гаражах тайные штаб-квартиры? Кто занимается похищениями, пытками, берет выкуп за заложников? Я слышал, что

один из твоих молодцов арестовал соперника в любовных шашнях, привязал его в подвале к столбу и изрезал на куски!

РЕМ. Это все мелочи, болезнь роста. Молодым парням понравилось играть в гестапо. Я сейчас натянул поводья, и с подобными делами покончено

ГИТЛЕР. Хорошо, болезнь роста. Но скажи мне, Эрнст, - только давай уж начистоту, - разве твои СА не огромная ностальгическая химера?

РЕМ. То есть как?

ГИТЛЕР. Три миллиона бойцов - это мощная политическая организация, тут спору нет. Но разве ты не видишь, что занимаются эти три миллиона одной только игрой в солдатики, столь милой их сердцам? Ты тоскуешь по старым, добрым армейским традициям - это я могу понять. Но зачем ты отравляешь своей ностальгией этакую прорву молодых парней? Штурмовики грезят не о будущей войне, а о прошедшей. Та война проиграна, а все ваши затеи - просто попытка оживить воспоминания о славном фронтовом товариществе, о развеселых и бесшабашных ночах во время отдыха в тылу. Эти ваши допотопные боевые учения, эти дурацкие парады в мундирах, со знаменами. А потом непременно в пивную, и чтоб все стекла в ней - вдребезги. Орать дурными голосами боевой гимн, устраивать потасовки. А под занавес специально назначенные дежурные подберут сомлевших бойцов. В уставе, что ли, у вас записано - куролесить всю ночь, пока фонари на улицах не погаснут? Слишком много от твоих парней шума - порядочным гражданам они вот как надоели. Как завидят поблизости штурмовиков, сразу дочерей прячут подальше.

РЕМ (насупившись). Нельзя обо всей организации судить по нескольким шалопаям.

ГИТЛЕР. Ладно, оставим и это. Давай о тебе самом. Ты же сам как будто специально настраиваешь общество против СА! Сколько раз защищал я твоих штурмовиков перед военными, перед Герингом, который представляет интересы армии. Я сделал тебя членом кабинета, в феврале я провел закон, согласно которому штурмовики, получившие увечье в политических схватках, приравниваются по пенсионным льготам к инвалидам Великой войны. Ты видел, чего мне это стоило, ты же все время был рядом! И что же? Сразу после этого ты выкинул номер. Самый что ни на есть идиотский поступок, да еще в самый неподходящий - в политическом смысле - момент! Ты предлагаешь на заседании кабинета законопроект: провести реорганизацию рейхсвера, взяв за основу СА, а для управления вооруженными силами, включая все иррегулярные формирования, учредить пост специального министра. Кресло министра, разумеется, должен занять ты. В результате военный министр фон Бломберг сделался твоим заклятым врагом, а вся армейская верхушка переполошилась. Я немедленно провалил этот твой "законопроект", но было уже поздно. Армия теперь тебя ненавидит. И это целиком и полностью дело твоих рук. Генералы поняли: этот человек не успокоится, пока не одолеет их и не устроит новую революцию.

РЕМ. Смотри-ка, не такие уж они, выходит, кретины.

ГИТЛЕР. Это не шутки, Эрнст. Дело принимает скверный оборот. Я получил от генерала фон Бломберга ультиматум. Считай, что это - мнение всего генералитета, вопль прусской армейской традиции. На, читай. (Достаёт из кармана лист и протягивает Рему.)

РЕМ (читает). "Его превосходительству господину рейхсканцлеру Адольфу Гитлеру надлежит ответить, способен ли он незамедлительно разрешить нынешний политический кризис собственными средствами или же предпочтительнее просить рейхспрезидента ввести в стране чрезвычайное положение с передачей функций управления командованию рейхсвера..."

ГИТЛЕР. То есть выбирай, мол, сам.

РЕМ. Выбирай сам?

ГИТЛЕР. Да. Причем "незамедлительно"...

РЕМ. Это же открытое запугивание! Шантаж! Да у них на такое...

ГИТЛЕР. Пороху не хватит, хочешь ты сказать? Я бы тоже желал на это надеяться. Но не знаю, как насчет пороху, зато уж исконного прусского гонора у них предостаточно. Раз они зашли так далеко, то не отступят.

Продолжительная пауза.

РЕМ (порывисто встает и обнимает Гитлера за плечи). Адольф, надо

решаться. Для нас, для партии наступает звездный час. Никаких компромиссов! Иначе наше движение, ради которого мы поставили на карту свои жизни, навсегда запятнает себя грязью... Адольф, давай вернемся к нулевой отметке, давай начнем все заново! Я буду рядом с тобой. Ты же знаешь, Адольф, я всегда с тобой!

Гитлер (ошарашенно). Да-да, ты всегда со мной...

РЕМ (рывком поднимает Гитлера из кресла и тащит за собой по сцене). Нужно устроить новую революцию. Воскресить молодой мюнхенский задор. Иначе нас не простят души павших боевых товарищей. Народ пойдет за нами. Молодежь - наша. Жалкие угрозы этого старья лопнут, как мыльный пузырь, - в одночасье! И не забывай, Адольф, в Германии шесть миллионов безработных. Их недовольство, их обида - тоже наш капитал. (Тянет Гитлера на балкон.) Взгляни! Взгляни же! Вон на тех скамейках, и на тех, и еще на тех сидят молодые мужчины с унылым и скучающим видом. Такими когда-то были и мы с тобой. Прямо с фронта судьба швырнула нас в пасть голода и инфляции. Мы-то с тобой знаем, какое это мощное топливо - молодость, нищета, безнадежность. Давай снова подпалим этот жалкий хворост! Знаешь, какой полыхнет огонь! На всю Германию. И он станет всепожирающим огнем Сурта.

ГИТЛЕР (отворачиваясь от балкона, пятится в глубь сцены). Нет, Эрнст, не заманивай меня. Не надо. Не искушай вновь испытать этого сладкого, жгучего вина.

РЕМ. Все в твоих руках, Адольф.

ГИТЛЕР (наконец высвобождается из объятий Рема и садится в кресло спиной к собеседнику. Говорит, не глядя на него). Ты кое-что забыл, Эрнст. Один очень важный урок, который забывать не следовало бы. Делать армию своим врагом нельзя. Ты помнишь двадцать третий год? Как я уламывал генерала фон Лоссова, а он так и не выдал нам оружия? И заявил: если мы начнем затевать беспорядки, армия и полиция откроют по нам огонь. А мы уже объявили сбор и мобилизовали двадцать тысяч штурмовиков. Помнишь, как мы стояли и смотрели на марширующие через центр города колонны красных, а поделаться ничего не могли? Даже те ружья, которые тебе удалось захватить в казармах, после приказа генерала мы были вынуждены вернуть. Мы сдались, Эрнст.

Рем молчит.

Поразмысли над этим сегодня ночью, Эрнст. И я тоже поразмыслю. Встретимся за завтраком, и я расскажу тебе, к каким выводам пришел... Эй, там в приемной ждет Штрассер. Пусть войдет.

Рем выходит. Гитлер погружен в раздумья. Появляется Штрассер.

ШТРАССЕР. Господин рейхсканцлер...

ГИТЛЕР. А-а, давно не виделись, давно. Прошу сюда.

ШТРАССЕР. Как прикажете.

ГИТЛЕР. Спасибо, что пришли. Вспомним нашу старую дружбу. У отшельников времени для раздумий много, поделитесь-ка со мной светлыми идеями.

ШТРАССЕР. Господину рейхсканцлеру прекрасно известно, что новым идеям у меня взяться неоткуда. Я - как попугай, все талдычу про одно и то же. Про идеи, от которых ничего не осталось.

ГИТЛЕР. Так-таки ничего?

ШТРАССЕР. Абсолютно. Куда подевалась программа партии? Где идеи борьбы с капитализмом, упразднения Пруссии, замены рейхстага самостоятельным форумом фашистского движения? Все осталось по-старому.

ГИТЛЕР. Так. И что?

ШТРАССЕР. Ничего. Просто констатирую - все осталось, как было раньше. По-прежнему плачут дети рабочих. Ничего не изменилось.

ГИТЛЕР. И есть какой-нибудь конкретный план, как все исправить?

ШТРАССЕР. План? Нет, плана нет. Но есть Идея. Во всяком случае, у меня.

ГИТЛЕР. И каковы же пути осуществления Идеи?

ШТРАССЕР. Меня сюда что, экзамен сдавать пригласили? Я уже не в том возрасте.

ГИТЛЕР. Дело в том, что стоящие за вами профсоюзы тоже придерживаются Идеи, не так ли? Доктору Шмидту, министру экономики, приходится с вами несладко. Жалуется на вас, говорит, что левая фракция нашей партии ничем

не отличается от красных.

ШТРАССЕР. Но армия, кажется, так не считает.

ГИТЛЕР. Вы уверены? Под "армией" вы, очевидно, имеете в виду старого дурака фон Шлейхера?

ШТРАССЕР. Не только его. Я имею в виду армию как таковую.

ГИТЛЕР. Надо же, как вы осведомлены о настроениях в армии.

ШТРАССЕР. Армия - клинок обоюдоострый. Как знать, может быть, именно ей суждено осуществить преданную забвению программу партии.

ГИТЛЕР. Штрассер, дружище, в ваших словах мне слышится зубовой скрежет. К чему это?

ШТРАССЕР. Что поделаешь - страстная убежденность не выбирает выражений.

ГИТЛЕР. Вот как? Так вас одолевают страсти?

ШТРАССЕР. О да.

ГИТЛЕР. Так-так. Разузнали что-нибудь интересное?

ШТРАССЕР. Кое-что. Например, об ультиматуме министра обороны Бломберга...

ГИТЛЕР (пытаясь скрыть удивление). У вас отличные осведомители.

ШТРАССЕР. Если будет введено чрезвычайное положение...

ГИТЛЕР. Ну, этого я не допущу.

ШТРАССЕР. А если придется? Как вы думаете, к кому обратится армия за политической поддержкой? К полутрупу рейхспрезиденту? Или, может быть, к вам, господин рейхсканцлер?

ГИТЛЕР. Откровенно говоря, думаю, что не к нему и не ко мне.

ШТРАССЕР. А что, если она обратится ко мне?

ГИТЛЕР. Самообольщение.

ШТРАССЕР. Возможно. И все-таки я бы на вашем месте подстраховался на случай такого казуса и кое-что предпринял.

ГИТЛЕР. Что же?

ШТРАССЕР. Это уж вы сами соображайте. Если, конечно, хотите при поддержке армии стать рейхспрезидентом.

ГИТЛЕР. Вы хотите сказать, что можете этому помешать?

ШТРАССЕР. Ну, этого я не говорил.

ГИТЛЕР. Надо же, как я ошибался. Я считал вас человеком цельным. А оказывается, социалист при случае может и с генералами торговаться, а?

ШТРАССЕР. Это уж домысливайте сами. Ясно одно, если так пойдет дальше, партия расколется и погибнет. Надо немедленно что-то делать.

ГИТЛЕР. Что?

ШТРАССЕР. Воскресить дух партийной программы. Встать на сторону рабочих, строить национал-социализм.

ГИТЛЕР. Мы тратим время впустую.

ШТРАССЕР. Что же, так или иначе решать господину рейхсканцлеру.

ГИТЛЕР. Хорошо. Спасибо за совет.

ШТРАССЕР. Что вы, что вы. Не за что.

ГИТЛЕР. Жду вас на завтрак. Я постараюсь до того времени что-нибудь придумать и сообщу вам о своем решении.

ШТРАССЕР. Отлично. Значит, до завтра.

Штрассер уходит. Гитлер в одиночестве раздраженно прогуливается по сцене. Выходит на балкон и останавливается, повернувшись к зрителям спиной. Появляется Крупп.

КРУПП. Уже освободились?

ГИТЛЕР. А-а, господин Крупп.

КРУПП. Что, дождь пошел?

ГИТЛЕР. Заморосило. Поразительно - всякий раз после моей речи обязательно идет дождь.

КРУПП. Надо полагать, ваши речи способствуют сгущению туч.

ГИТЛЕР. Как только мостовая на площади почернела от дождя, все скамейки разом опустели. На редкость вульгарное зрелище - опустевшая площадь. Ни души. А ведь совсем недавно тут было целое море голов - крики, аплодисменты. Площадь после митинга напоминает оцепенение эпилептика после припадка... Везде, куда ни глянь, люди причиняют друг другу зло, ранят один другого. В ткани, из которой соткана любая власть, есть швы, через

которые лезут вши. Скажите мне, Крупп, бывает ли власть без швов, неуязвимая власть, подобная белому рыцарскому плащу?

КРУПП. Если и не было - закажите. Вам сошьют.

ГИТЛЕР. И вы согласны стать моим портным?

КРУПП. Надо бы сначала мерку снять.

Отступает на шаг и, подняв трость, делает вид, что снимает мерку.

ГИТЛЕР. Ну и как?

КРУПП. Увы, на глаз не получается.

ГИТЛЕР. Квалификации не хватает?

КРУПП. Уж больно деликатная у портного профессия, Адольф. Если не уверен, что заказ оплатят, работа не идет. Хочется сшить столько всяких чудесных вещей, но без точной мерки разве получишь истинное творческое наслаждение? Да и потом, сшитое платье должно ведь прийтись заказчику впору. Чтобы он чувствовал себя в нем легко, свободно, чтоб нигде не жало, не тянуло. Вот как шить-то нужно... Никогда себе не прощу, если одежда выйдет тесной. Не смирительную же рубашку для сумасшедшего шить - сами понимаете.

ГИТЛЕР. Если я и сумасшедший...

КРУПП (слегка коснувшись его плеча). Сомнения в здравости собственного рассудка посещают и меня! Бывают такие моменты, когда лучше сказать: "Я - сумасшедший" - иначе невозможно вынести и понять самого себя...

ГИТЛЕР. А что потом?

КРУПП. А потом надо сказать себе: "Это они все сумасшедшие, а я нормальный".

ГИТЛЕР. Кажется, я переживаю именно такой момент. А если вспомнить, что я глава правительства...

КРУПП. Странная вещь - перед дождем у меня всегда приступ ревматизма, а сегодня почему-то не было.

ГИТЛЕР. Господин Крупп, я хочу заказать смирительную рубаху. Сшейте мне ее так, чтобы руки у меня были скручены и я не мог никого ранить. Но уж зато чтобы и меня никто не мог достать.

КРУПП (покачивая головой, идет прочь). Нет-нет, Адольф. Еще рано, рано, рано...

ЗАНАВЕС

Действие второе

Следующее утро. Декорация та же. В центре сцены - стол, накрытый к завтраку на троих. Гитлер и Рем только что закончили есть: тарелки пусты, они пьют кофе и курят. Стол позднее будет убран, поэтому его ножки должны быть на колесах. Дверь на балкон открыта, через нее в зал льется утреннее солнце, виден край ясного неба.

ГИТЛЕР. Отличное утро. Все как в старые добрые времена... Эх... Хоть бы раз в месяц иметь возможность посидеть вдвоем, без посторонних, попить кофею, покурить...

РЕМ. Остальные члены кабинета полопаются от зависти... Давай к делу, Адольф. У тебя, конечно, тоже лишнего времени нет. Перед тем как расстаться, уточним еще раз - все как договорились.

ГИТЛЕР. Мы не договаривались, Эрнст. Это приказ.

РЕМ. Ну, приказ, приказ - я же понимаю. Не в первый раз.

ГИТЛЕР. Формальную сторону предоставляю тебе. Итак, я приказываю, чтобы СА, все три миллиона бойцов, получили отпуск. До конца июля. Во время отпуска формы не носить, маршей и учений не устраивать - это запрещается. Ты напишешь соответствующее распоряжение... Вот, собственно, и все.

РЕМ. А ты уверен, что рейхспрезидент до конца июля отдаст Богу душу?

ГИТЛЕР. Он совсем плох. Немецкие врачи, равных которым нет во всем мире, утверждают, что до августа ему никак не дожить.

РЕМ. Хорошо. Значит, до той поры - политическое затишье... Я тоже много думал этой ночью и понял - только твой светлый ум способен вывести нас из этой передрыги. Пока ты не станешь президентом, мы затаимся - пусть ввапшие в истерику генералы подуспокоятся. Это компромисс, с которым я могу согласиться.

ГИТЛЕР. Спасибо, Эрнст. Ты - настоящий друг.

РЕМ. Да и время подходящее. Лето - пусть мои сорвиголовы малость расслабятся, поднаберутся сил в родных местах. Неплохая передышка перед грядущей осенней сварой. Если с улиц исчезнут коричневые рубашки и марширующие колонны, военщина почувствует себя в безопасности. Генералы убедятся, что ты полностью контролируешь ситуацию. А народ за лето пусть почувствует, каково это - остаться без нас. Будут дни считать до нашего возвращения.

ГИТЛЕР. Именно. Дадим нашему суфле подостыть, охладим раскаленную сталь. Когда я стану рейхспрезидентом, отдать в твое ведение армию будет легче легкого. Надо лишь набраться терпения. Прошу тебя - прояви такую же выдержку, как и я. Хоть зовемся мы с тобой теперь красиво - "рейхсканцлер", "член кабинета", - на самом-то деле положение наше аховое. Трудные, дружище, времена - как в двадцать третьем. Ну да ничего, когда взвалишь на себя тяжкую ношу не один, а с верным товарищем, то и пот, льющий с тебя ручьем, блестит по-другому. Хорошим, мужественным блеском... Эрнст, никогда еще я не доверялся тебе так, как сейчас. Если мы с тобой на пару, плечо к плечу, прорвемся...

РЕМ. Я все понял, Адольф.

ГИТЛЕР. Спасибо, старина.

РЕМ. Только вот что. Такой длительный отпуск ни с того ни с сего... Как бы мои парни не забеспокоились. Хорошо бы найти какой-нибудь предлог...

ГИТЛЕР. Стоп. Я об этом думал. Значит, так. Ты у нас заболел, и...

РЕМ (со смехом). Я? Заболел? (Хлопает себя по груди, по плечу.) Капитан Рем? Который с рождения не знал лекарств и докторов? Да я здоров как бык, крепче железа!

ГИТЛЕР. Именно поэтому.

РЕМ. Брось, Адольф. Кто в это поверит? Да меня лишь пуля может свалить. Мой железный организм погибнет только от маленького кусочка такого же железа - и ни от чего другого. Вот когда одно железо вопьется страстным поцелуем в другое, тогда я рухну. Но рухну не на постель, это уж точно.

ГИТЛЕР. Конечно, Эрнст. Такой храбрец, как ты, даже став министром, не способен встретить смерть в постели. И все же ты должен объявить себя больным и издать соответствующий приказ. Мол, пару месяцев подлечусь, а потом возьмусь за укрепление штурмовых отрядов с удвоенной энергией.

РЕМ. Никто же не поверит.

ГИТЛЕР. В том-то вся и штука! Поверят. Люди легче верят самому неправдоподобному. Штурмовики решат, что, видно, и впрямь дело серьезное.

РЕМ. Может, ты и прав. Ну а что мне делать?

ГИТЛЕР. Поезжай-ка на озеро Висзее. Там на берегу отличные отели - отдохнешь, развеешься.

РЕМ (мечтательно). Висзее... Райское местечко. Уголок, достойный быть местом отдыха только для истинных героев. (После паузы,) Хорошо. Сегодня же издам приказ, а вечером - в Висзее. Распоряжусь, чтобы из гостиницы "Ханзельбауэр" сегодня же выставили к черту всех постояльцев.

ГИТЛЕР. Правильно, дружище. Теперь давай прикинем, как составить приказ.

РЕМ. Погоди. Дай кофе допить. (Декламирует.) "В день окончания вашего отпуска, первого августа, отряды СА, преисполненные героизма и отваги, с новой силой возьмутся за славное дело, которого ожидают от нас отчизна и народ".

ГИТЛЕР (в некотором замешательстве). Что это, начало такое?

РЕМ. Ну да. А в самом конце еще так напишу: "Штурмовые отряды были, есть и будут судьбой Германии". Ничего, а?

ГИТЛЕР. Сойдет, наверное.

РЕМ. Ты же знаешь, Адольф, без твоего согласия я ничего не сделаю.

ГИТЛЕР. Да нет, я согласен, согласен.

РЕМ. Ты ведь понимаешь, как-никак я - командующий трехмиллионной армией.

ГИТЛЕР. Я все понимаю, Эрнст.

РЕМ. Конечно. Мы ведь друзья... Нет, но какая скотина Штрассер, а? Пренебречь приглашением на завтрак к рейхсканцлеру!.. Ну и черт с ним, мне так даже лучше. Хоть посидим с тобой попросту, с глазу на глаз - в кои-то веки.

ГИТЛЕР. Штрассер есть ШТРАССЕР. Попробовал меня припугнуть, а когда понял, что навару не будет, снова забился в свою щель. Плетет паутину, заговор - ячеечка к ячеечке. Наш отшельник слишком занят, ему не до нашего общества.

РЕМ. Если он намерен помешать тебе стать президентом, я ему шею сверну. Этого болтуна давно пора прикончить. А если рабочие зашебуршатся, мои ребята им быстренько глотки позатыкают. Неужели этот ублюдок вчера тебе угрожал?

ГИТЛЕР. Да, в общем, нет.

РЕМ. Смотри. Если что - только скажи. Я его мигом уберу.

ГИТЛЕР. Спасибо, старина. Я непременно обращаюсь к тебе. Ну, всего тебе. (Встает.)

РЕМ. Счастливо, дружище. Спокойно занимайся делами. У тебя их такая прорва, этих бумажных дел, что у вояки башка бы треснула. Да и у художника тоже, а? Давай работай. Старые бараны, вскормленные на бумажках, ждут, что ты подсыпал им корма. Эх ты, бедолага, с утра до вечера только и делаешь, что свою подпись выводишь. Вся сила из руки уйдет, как потом саблей махать, а? Эх, да что там власть, что там сила. Легкий нажим хилых пальцев, ставящих на бумажке росчерк, - вот во что превратились теперь власть и сила.

ГИТЛЕР. Я все понял, Эрнст. Можешь не продолжать.

РЕМ. Нет, друг, дай я договорю. Не забывай, что твоя настоящая мощь не в пальцах с авторучкой, а в стальных мышцах молодых парней, следящих за каждым твоим словом и движением с обожанием, готовых в минуту опасности без колебаний отдать за тебя жизнь. Когда заблудишься в административно-политических дебрях, положишься на крепкие бицепсы, покрытые сеткой голубых, как рассветное небо, вен, - бицепсы прорубят тебе тропу через любую чащу. Во все эпохи и времена истинный, глубинный источник власти - мускулы молодежи. Не забывай об этом, Адольф. И о друге не забывай, человеку, который хочет сохранить для тебя эту мощь и заставить ее работать только в твоих интересах.

Гитлер (протягивая руку). Как я могу забыть, Эрнст.

РЕМ. И я не забуду, Адольф.

ГИТЛЕР. Ну, мне нужно идти.

РЕМ. Да, Штрассера ждать уже нет смысла. Хоть я бы с удовольствием запихнул ему в пасть остывший завтрак.

ГИТЛЕР. Кликни-ка официанта.

РЕМ. Давай я сам. Уподоблюсь великану Скрюмиру, таскающему за Тором суму со снедью.

ГИТЛЕР. А я думал, что ты - Зигфрид.

РЕМ. Ну ладно, великан пошел.

Толкает перед собой стол на колесиках.

ГИТЛЕР. Перестань. Члену кабинета не пристало таскать грязную посуду.

РЕМ. Ерунда, Адольф, не бери в голову.

Весело укатывает стол за сцену. Гитлер провожает его взглядом, потом поворачивается, чтобы уйти, но тут с балкона появляется КРУПП.

КРУПП. Адольф!

ГИТЛЕР. Доброе утро, господин Крупп!

КРУПП. Доброе. Чудесный, ясный денек. Для старика я проявил чудеса циркового искусства, не правда ли? И заодно прогрел колено на солнышке. У меня, знаете ли, весьма своенравное колено, но сейчас оно очень довольноно.

(Проходится по сцене, не опираясь на трость.)

ГИТЛЕР. Что ж, рад за него.

КРУПП. И потом, чувствуешь себя таким помолодевшим, когда украдкой подглядываешь и подслушиваешь. В моем возрасте и за шашнями-то собственной жены следить уже сил нет. От ревности пьянеешь, как от вина, соловеешь... Когда я по вашему предложению сделался акробатом и, спрятавшись на балконе, подслушивал ваш разговор, мне казалось, будто я присутствую на спектакле, а задача актеров - вернуть мне молодость. Поразительно, какую торжественность и романтичность событию придает подслушивание и подсматривание.

ГИТЛЕР. Вы, кажется, хотите сказать, что наш с Эрнстом разговор был чистым притворством и балаганом?

КРУПП. О нет, вы, господин рейхсканцлер, были сама искренность. А уж старина Рем по части искренности даже брал через край. Его возвышенность и благородство чувств были уже даже не совсем приличны.

ГИТЛЕР. Я хотел, чтобы вы, господин Крупп, видели это собственными глазами. Вы ведь человек скептический, надо было показать вам, что в политике есть место и искренности, - когда нет рядом посторонних. Рем был не намерен уступать, но в результате пошел-таки на компромисс. Удовлетворит ли это военных?... Я, честно говоря, не очень-то в это верю. То есть совсем не верю... Хотелось бы, конечно, надеяться.

КРУПП. Ах, а как мне хотелось бы! Однако я человек старый, жить мне осталось недолго - я не могу позволить себе тешиться пустыми надеждами. Но скажите мне, Адольф, отчего это, когда Рем жизнерадостно уволакивал отсюда стол, вы провожали его таким неопишимо мрачным взглядом? Вы будто разом постарели на десять лет.

ГИТЛЕР (вздвигнув). Не слишком ли вы самоуверенны, господин физиономист?

КРУПП. А что касается надежды, то ее в меня вселило не ваше воркование, а тот самый мрачный взгляд. Я достаточно ясно выражаюсь?

ГИТЛЕР. Господин Крупп!

КРУПП. Вот такие дела, Адольф. Приближается буря. Ее не избежать. Вершины гор уже окутаны густым туманом, горные пастбища потемнели. Бедные овечки беспокоятся, блеют: "Бе-е-е, бе-е-е". Овчарки возбужденно лают, гонят стадо в загон... А в это время вы... Как бы это сказать... Вы ощущаете себя не той мощной бурей, а всего лишь лихорадочно мечущейся овчаркой. Отсюда и компромисс с Ремом. С этой овцой.

ГИТЛЕР. Это Рем-то овца? Слышал бы он...

КРУПП. Ну, пусть не овца. Но сознание у него овечье, стадное. Или я не прав? И когда вы смотрели Рему вслед, ваше потемневшее лицо напоминало не овечью и даже не овчарочью морду - это была сама буря, ну а если и не буря, то, во всяком случае, первое ее дуновение, черное и обжигающее. Предвестие бури, которая вот-вот окрасит горные пики лиловым сиянием молний, заставит затрепетать от громовых ударов весь мир, а живую человеческую душу мгновенным электрическим разрядом обратит в кучку пепла. Неужто вы сами этого не ощутили?

ГИТЛЕР. Я ощутил страх. Смятение. Глубокую грусть. Вот и все.

КРУПП. Что ж, человеку не следует стыдиться естественных человеческих чувств, даже если этот человек - рейхсканцлер. Но когда диапазон обычных человеческих чувств беспредельно увеличивается, они вырастают до размеров природного явления и становятся самим Провидением. Если вы вспомните историю, то увидите, что людей, которым удалось этого достичь, можно пересчитать по пальцам.

ГИТЛЕР. Вы говорите об истории человечества?

КРУПП. Да, поскольку об истории богов мне ничего не известно. Зато я разбираюсь в железе. И должен сказать вам, Адольф, что на моих заводах метаморфоза, о которой я говорю, свершается каждый день и каждую ночь. Пройдя сквозь огненную бурю в три тысячи градусов по Фаренгейту, железная руда превращается в чугун. В нечто качественно новое.

ГИТЛЕР. Я подумаю над вашими словами, господин Крупп.

Они уходят со сцены. Некоторое время спустя с противоположной стороны

быстро, словно убегая от кого-то, на сцену выходит РЕМ. Следом за ним появляется ШТРАССЕР.

РЕМ. Ну что вы ко мне прилипли?! По-моему, я ясно дал понять, что не желаю с вами разговаривать.

ШТРАССЕР. Это я понял. Да и не я один. Все знают, что мы друг с другом не разговариваем. Рем - правый, Штрассер - левый, они - кошка с собакой и все такое. Если Рем со Штрассером встречаются на людях, то воротят рожу друг от друга. Сторонятся один другого, будто заразы боятся... Все эти разговоры мне известны, так что можете не утруждаться. Но именно поэтому - да, именно поэтому - нам непременно нужно потолковать.

РЕМ. Вы опоздали на завтрак к рейхсканцлеру. Он уже удалился в рабочий кабинет. Неплохо бы извиниться, а?

ШТРАССЕР. Бросьте, РЕМ. Сейчас не до дворцовых реверансов.

РЕМ. Ну и черт с вами, поступайте как знаете.

ШТРАССЕР. Да, я буду поступать как знаю. (Садится в кресло.)

Присядьте-ка.

РЕМ. Я тоже знаю, как мне поступить. (Во время последующего диалога раздраженно прохаживается взад-вперед.)

ШТРАССЕР (смеется). Вы как дитя малое... Будет вам брюзжать. Ведь вы недовольны рейхсканцлером. Вам не нравится, как он ведет себя в последнее время.

РЕМ. Фу-ты ну-ты, все мои мысли и чувства видит как на ладони. Да мы с Адольфом старые товарищи! А вы, хоть и давно в партии, но его другом никогда не были.

ШТРАССЕР. Но сейчас вы в нем разочаровались. Что, не так?

РЕМ. Да с чего вы взяли?

ШТРАССЕР. А с того. И я в нем был разочарован. Он очень, очень мне не нравился. Гитлер-рейхсканцлер - Гитлер, ходящий на задних лапках перед дряхлыми драконами с облезшей чешуей, мне был просто противен... Но теперь я начинаю думать иначе. После моего вчерашнего с ним разговора моя позиция изменилась. Нет, я больше не возмущен Гитлером и не разочарован в нем. Гитлер - молодчина!

РЕМ (с некоторым интересом). И поэтому вы не соизволили явиться на завтрак?

ШТРАССЕР. Нет, не пришел я по другой причине. Подумал, придешь - не дай Бог, еще отравы подсыплет.

РЕМ. Что за шутки! (Незаметно для себя втягивается в разговор.) Значит, Гитлер - молодчина? Это что, чисто по-человечески или исходя из нынешней ситуации?

ШТРАССЕР. А по-всякому. Гитлер сейчас вступил в период, подобного которому не бывало прежде. Новый период нуждается в новой тактике. Требуем мы ее от Гитлера или не требуем - он все равно и сам вынужден к ней прибегать, и чем дальше, тем больше. Я не хочу сказать, что Гитлер действует безупречно, но, во всяком случае, он чувствует ситуацию лучше, чем кто бы то ни было. Вот почему он - молодчина.

РЕМ. Вы прямо соловьем заливаетесь про этот ваш "новый период". Такой великий революционер расхваливает эпоху всеобщей сумятицы и безверия.

ШТРАССЕР. Революция - все, кончилась.

РЕМ. Я-то это знаю, господин Штрассер. Именно поэтому мы хотим...

ШТРАССЕР. Знаю-знаю. Сегодня вы не призываете к новой революции. Ведь вы согласились на мирную передышку.

РЕМ. Откуда вы...?!

ШТРАССЕР. И так ясно. Не бойтесь, я вашу беседу под дверью не подслушивал. У такого опытного политического волка слух исключительно тонкий: я и издалека все слышу... Все решается сейчас. Вы ведь согласны, что революция окончена?

Рем (нехотя). Ну, окончена.

ШТРАССЕР. Итак, революции больше нет. Вы стали министром, Гитлер стал рейхсканцлером, а я - я удалился от дел. Каждый занял определенную позицию. Предпосылки такого расклада имелись и прежде... Просто паразитально - никто ни сном ни духом не ожидал, что революция вдруг

возьмет и кончится. (С балкона доносится воркование голубей.) Голубки воркуют... Я проходил по коридору, смотрю - стол стоит, необрунный после завтрака. Дай-ка, думаю, захвачу один тост - пташек покормлю. Где он тут у меня? (Шарит в кармане.)...Ах, черт, раскрошился. (Подходит к балконной двери и кормит голубей. Рем садится в кресло.) Ишь, накинулись... Как сияет солнце! Разве во время революции бывает такое утро? Да, не думал я, что доживу до этакое безмятежного, без всякого запаха крови, утра. (Штрассер говорит оперевшись спиной о балконную ограду. Время от времени подбрасывает голубям крошек.) Этого не могло, не должно было произойти. Но в один прекрасный день началось - и все, пошло-поехало. Голуби революции летали под свист пуль, к их лапкам были прикручены листки с боевыми донесениями. Круглую белую грудку в любую минуту могла запачкать алая кровь. А что мы видим теперь? Голубки что-то такое брюзжат, ворчат и мирно поклевывают хлебные крошки... Даже дым из трубы паровоза, мчащегося по путепроводу, напоминает уже не о пороховой гари, а о костерке на пикнике. А когда проходишь под окном, на подоконнике которого хозяйка выколачивает пестрый ковер, вниз сыпятся не засохшие комья крови, а только табачный пепел да грязь с подметок. Или, скажем, бьют часы. Раньше они отстукивали кому-то последний час жизни, а теперь лишь извещают о течении времени: и золотые часы, и даже мраморные, с башни, перестали быть твердыми, они разжижились. Было время, когда женщины носили в своих кошелках вино, чтобы поить раненных бойцов революции, и тогда оно искрилось почище любого рубина. Нынче же вино стало цвета кирпича. Изрытые осколками газоны расцветали роскошными синими цветами, но вот стальных удобрений больше нет, и распускаются сплошь одни паршивые анютины глазки. А песни? Где тот особый надрыв, делавший их похожими на крик отчаяния? Синее небо, отражаясь в широко раскрытых глазах убитых, предвещало новую жизнь, теперь оно похоже на подсиненную воду в корыте для стирки. И табак утратил сладковатый привкус неотвратимой разлуки... Природа, люди, вещи потеряли наполняющую, питавшую их силу - она ускользает между пальцами. Как воздух, как вода. А сложное сплетение наших острых как бритва нервов как-то обвисло, поистрепалось... Зато в воздухе потянуло новыми ароматами. Знакомый по прошлым годам запах гниения, когда пригреет солнце и из-под опавшей листвы в лесу вдруг шибанет такой мерзкой тухлятиной. Это падаль, оставшаяся с прошлогодней охоты, - не отыскали псы подстреленной добычи. Гнилостное зловоние распространилось повсюду, от него человеческие пальцы теряют чувствительность, словно их поразила проказа. А ведь было время, когда эти пальцы могли нащупать путь во тьме - безо всяких дорожных указателей и фонарей. Что они могут сегодня - только ставить подпись на чеке да баб тискать. Деградация. Да, каждодневная, невидимая глазу деградация. Не сомневаюсь, Рем, что и вы очень хорошо ее ощущаете. Если настал день, когда скрипка перестает по-настоящему выдавать тремоло, когда замя больше не изгибается на древе леопардом, когда кофе перестает закипать с той неповторимой, клокующей яростью, когда бойница в крепостной стене становится не орудийным жерлом, а бельмом, когда не запачканная кровью листовка превращается в рекламный листок, когда сапоги уже не пахнут звериной сыростью, когда звезда утрачивает магнетизм, когда стихи перестают быть паролем... Если такой день настал, Рем, это значит, что революции конец. Революция - время белоснежных клыков, свирепых и чистых. Ослепительно белого оскала молодых ртов - и гнева, и в улыбке. Эпоха сверкающей эмали... А потом наступает эпоха десен. Сначала они красные, но постепенно лиловеют, начинают гнить...

РЕМ. Ну хватит! А то у меня от ваших речей уши гниют. Да и сердце тоже. К чему вы меня, собственно, призываете? А, Штрассер?

ШТРАССЕР. Я знаю - вы хотите затеять новую революцию. И я бы не прочь. По-моему, у нас есть тема для разговора. Нет?

РЕМ. Методы у нас разные. И цели тоже.

ШТРАССЕР. Это как в зеркале: ваше правое - мое левое. И наоборот. Может, расколотить зеркало к чертовой матери? А вдруг мы в аккурат сойдемся?

РЕМ. Так вот о чем разговор... Занятно. Ну-ка, присядьте.

ШТРАССЕР. Спасибо. Наконец я привлек ваше драгоценное внимание. (Садится в кресло напротив.)

РЕМ. Только говорю сразу - для ясности. Я никогда - ни раньше, ни теперь, ни в будущем - ни за что на свете не клюну на ваши коммунистические штучки. Мутите воду в этих ваших профсоюзах, и уже не поймешь, кому они служат - Германии или Советам. Слышите? Чтобы без этого! Я готов выслушать любые ваши предложения, кроме этого.

ШТРАССЕР. Ну-ну, побольше гибкости, дорогой Рем. Вы ведь все-таки министр, а не мальчишка из "Гитлерюгенда". Вы сказали: "Кроме этого". Не "кроме", а вместо этого. Другое измерение, чувствуете?

РЕМ. То есть?

ШТРАССЕР. Что вы думаете о старичке Круппе, этом Рейнеке-Лисе, торговце железом? Он за Гитлером просто тенью следует... РЕМ. По правде говоря, терпеть не могу этого старикашку. Штрассер. Я спрашиваю не о ваших чувствах к этому господину. Как вы думаете, доверяет он Гитлеру? Рем. Кто его знает...

ШТРАССЕР. А я думаю, что вряд ли. Старик пожаловал из Эссена, чтобы предложить режиму Гитлера брачный союз с эссенскими промышленниками. А предварительно выяснить, годится ли новый жених в спутники жизни. Сдается мне, что окончательное решение пока не принято. Железная невеста из Эссена - дама, конечно, собою видная, но несколько потрепана после предыдущего замужества. Я имею в виду Мировую войну. Поэтому естественно, что посредник и сват должен проявить максимум осмотрительности при выборе нового супруга.

РЕМ. Но Шахт сказал, что на первую же после прошлогодней победы предвыборную кампанию Крупп отвалил в партийную кассу три миллиона.

ШТРАССЕР. Это был лишь первый шаг. Смотрины все еще продолжаются. Эссенские промышленники болезненно переживают нынешний политический кризис, они трубят тревогу. И куда повернет Крупп, еще не ясно. Все решат ближайшие два-три дня. РЕМ. Два-три дня?

ШТРАССЕР. Да. Благодаря вам, милейший Рем, национал-социалистическая партия на грани раскола.

РЕМ. Ваши сведения устарели, Штрассер. Кризис позади. Погодите, вот станет Адольф рейхспрезидентом, и тогда солнце еще засияет по-новому.

ШТРАССЕР. Вы в самом деле так думаете? Рем. Я верю в Адольфа. Когда он станет президентом, сбудутся все чаяния моих ребят из СА.

ШТРАССЕР. Нет, вы серьезно на это рассчитываете?

Рем (с некоторым беспокойством). Ну конечно.

ШТРАССЕР. И чем вы за это заплатили?

РЕМ. Уступкой. Компромиссом. Я согласился выполнить приказ Адольфа. Отряды СА получают отпуск до конца июля. Весь этот срок им запрещено носить форму, устраивать шествия и учения. А я объявляю себя больным, хоть здоровье у меня бычье. Вот и весь театр - меня устраивает.

ШТРАССЕР. И вы думаете, что этим дело обойдется?

РЕМ. Во всяком случае, выйдет лишний пар - на время. А там и Адольф сделается президентом.

ШТРАССЕР. И вы полагаете, что военные купятся на этот дешевый трюк? Если так думает Гитлер, то он просто идиот. А если так думаете вы, Рем, то вы самый настоящий сумасшедший.

РЕМ. Что-о?! А ну повтори!

ШТРАССЕР. Повторяю. Или Гитлер - идиот, или вы - сумасшедший, одно из двух. Мысли о том, что и вы - псих и он - кретин, я не допускаю. Надеюсь, я выразился ясно?

РЕМ. А вы мерзавец. Хотите сравнить меня с Адольфом.

Пауза.

ШТРАССЕР. Да хватит о Гитлере. Поговорим лучше о ваших штурмовиках. Ведь вы хотели бы, чтобы ваше любимое детище стало ядром рейхсвера, нет? Хотели бы?

РЕМ. Это что, допрос?

ШТРАССЕР. А что, если есть способ осуществить вашу мечту?

РЕМ (невольно подавшись вперед). Какой?.. Да чего там, вот станет

Адольф президентом...

ШТРАССЕР. Пустые посулы.

РЕМ. Я не позволю вам клеветать на Адольфа!

ШТРАССЕР. Может ли Гитлер наверняка рассчитывать на пост президента, если сделает столь незначительную уступку военным?

РЕМ. Может.

ШТРАССЕР. Я сказал: "Наверняка".

РЕМ. Наверняка?

ШТРАССЕР. Да. Генералы шутить не станут. Гитлер не может стопроцентно обеспечить себе кресло рейхспрезидента до тех пор, пока окончательно не распустит отряды СА. Вот и получается, дорогой Рем, что на его пути стоите вы и только вы. Не слишком ли по-детски вы поступаете, строя все свои планы на том, что Гитлер станет президентом?

РЕМ (подавляя ярость). Что это за способ, который вы упомянули?

ШТРАССЕР. Генерал фон Шлейхер.

РЕМ. Эта дряхлая развалина?

ШТРАССЕР. Единственный, кто может скрепить наш с вами союз. И единственный, кто способен воздействовать на фон Бломберга, уже предъявившего Гитлеру последний ультиматум.

РЕМ. То есть это в том смысле...

ШТРАССЕР. Да. Обойдемся без Гитлера. Не забывайте - ультиматум с угрозой ввести в стране военное положение генералитет предъявил Гитлеру. Не вам.

РЕМ. Без Гитлера? Ого! Теперь я наконец вас раскусил. Решили с генералами сговориться, да? Чтобы сначала отколоть меня от Гитлера, а потом армия разделается с нами поодиночке. Ни черта у вас не выйдет! Мы с Адольфом - как одно целое.

ШТРАССЕР. Гитлер очень хорошо понимает, что, если это ваше "одно целое" не развалить, ничего у него не выйдет. Потому-то он уже поделил целое на две половинки, и весь июль половинки будут вздыхать друг по другу на расстоянии.

РЕМ. Я же уже сказал - это временный политический ход.

ШТРАССЕР. Ну ладно. Вижу, что убеждать вас бессмысленно. Человеку, взглянувшему на солнце, все вокруг кажется желтым, а вы загляделись на Гитлера, и весь мир вам видится в его сиянии... Ну что ж, пусть так. Но я все-таки должен кое-что вам сказать. А вы уж, сделайте милость, - выслушайте меня хладнокровно. Можете не соглашаться, но, если хоть что-то из моих слов западет вам в душу, и на том ладно. Дело, в сущности, простое. Это план революции - нашей с вами революции. Мы заключаем союз - сегодня же и, опираясь на отряды СА, добиваемся исключения Гитлера из партии. Вождем партии становитесь вы, РЕМ. Фон Шлейхер берет на себя Бломберга, и теперь, когда Гитлера уже нет, тот примиряется с вами. Ведь на самом деле пруссаки боятся вашего с Гитлером альянса. А я - я, имея в вашем лице мощную опору, начинаю проводить социалистические преобразования. Временным президентом делаем фон Папена, я - рейхсканцлер, вы - главнокомандующий. О финансовой стороне дела можно не беспокоиться. Если мы сейчас с вами договоримся, вопрос денег решится сам собой.

РЕМ. Это каким же образом?

ШТРАССЕР. Крупп немедленно переметнется на нашу сторону.

Пауза.

РЕМ. Понятно. Я вас понял. Думаю, и вы меня поняли. Меня ваш план не соблазняет - ничуть, потому что я Адольфа никогда не предаю.

ШТРАССЕР. Ну что ж, спасибо, хоть выслушали. Но разговор еще не закончен. Я и не рассчитывал, что вы так сразу кинетесь в мои объятия. Только ведь вот какая штука получается, дражайший РЕМ. Если мы с вами не споемся и не уберем Гитлера, если не устроим общими усилиями стремительную, как разряд молнии, революцию... Если мы упустим этот шанс... Как, по-вашему, к чему это приведет? Нет-нет, не отвечайте сразу, подумайте.

РЕМ. А ни к чему не приведет, дражайший ШТРАССЕР. Все останется как есть. Мы с Адольфом - верные товарищи, вы - коварный интриган, Крупп -

торговец смертью. Каждый будет продолжать разыгрывать свою роль и жить-поживать, а шарик будет знай себе крутиться дальше.

ШТРАССЕР. Вы полагаете? Ну-ка, поразмыслите еще. Чем дело кончится?

РЕМ. Да ничем.

ШТРАССЕР. Уверены?

РЕМ. Уверен... Ну, а по-вашему, - чем?

ШТРАССЕР. Смертью.

РЕМ. Это чьей же?

ШТРАССЕР. Моей. И вашей.

Пауза.

РЕМ (расхохотавшись). Ну вы и фантазер. Смертью? Вашей и моей? Вы что, к астрологу ходили? Слушаю я вас, слушаю, и сдается мне, что жар у вас - вроде как бредите вы. А ваш революционный план слабоват. Вы говорите, что я недооцениваю генералов, а вы-то и подавно их дураками считаете.

ШТРАССЕР. Да, я знаю, что план слабый. Но в нашем положении лучше слабый план, чем вообще никакого плана. Я бегу из последних сил, ухожу от погони, пытаюсь вскочить на вашего бешено несущегося коня. Если вы его остановите, мы оба пропали. А вы - вы натягиваете поводья! Я не могу этого видеть! Я должен открыть вам, не подозревавшему о смертельной опасности, глаза - от этого зависит и моя жизнь. Забудем все распри, усядемся в одно седло, пришпорим коня. У нас нет выбора. Сломя голову вперед, по равнине, по горам, - там, за горизонтом, нас ждет заря революции... Поймите же наконец, Рем. Я ставлю сейчас все на вас и на три миллиона ваших штурмовиков, армию Революции.

РЕМ. Ставите на нас, чтобы использовать нас для измены.

ШТРАССЕР. Да нет же, нет! Ваши революционные отряды - наше единственное спасение. А Гитлер-то уж точно на вас больше не ставит.

Рем (с тревогой). Ну, это...

ШТРАССЕР. Гитлер поставил на наших врагов. Неужели вы этого не видите, Рем?

РЕМ. А хоть бы и так. Неужели я стал бы подавать руку предателю?

ШТРАССЕР. Черт с вами, пусть я буду предатель. Время не терпит! Если мы немедленно не объединимся и не ударим по Гитлеру...

РЕМ. То что? Смерть?

ШТРАССЕР. Да... Смерть.

Рем залиvisto хохочет. Штрассер молчит. Смех Рема обрывается.

РЕМ. И какой же смертью мы умрем? От удара молнии? Или из пучины морской вынырнет мировой змей Мидгарда, и мы расколотим ему башку молотком, но погибнем и сами, сраженные смертоносным ядом? А может быть, нас, как последнего из богов, мужественного Тюра, укусит демонский пес Гарм?

ШТРАССЕР. Такая смерть еще куда ни шло. Только знаете, Рем, вы, может быть, и герой, но героической смерти я вам не обещаю.

Рем (весело). Что, от болезни загнусь?

ШТРАССЕР. Так вы ведь и так уже вроде как больны - сами сказали. Название вашей болезни - излишняя доверчивость.

РЕМ. Убьют? Казнят?

ШТРАССЕР. Скорее всего, то и другое. Вы уверены, что сможете вынести пытки?

РЕМ (насмешливо). Кто же это вас так запугал, господин трусишка? Скажите-ка. Бойтесь даже имя назвать? Такой страшный человек, да?

ШТРАССЕР. Адольф Гитлер.

Пауза.

РЕМ. Один вопрос, Штрассер. Ты намерен помешать Адольфу занять пост президента?

ШТРАССЕР. Постараюсь. Если у меня получится, Германия будет спасена. Вчера я заявил об этом Гитлеру без обиняков.

РЕМ. Вот, значит, как? Понятно. Если ты это серьезно, то учти - я обещаю Адольфу тебя прикончить, и я свое обещание выполню.

ШТРАССЕР. Это ради Бога. Только для осуществления вашей угрозы, для убийства, необходимы как минимум два условия. Во-первых, чтобы было кого

убивать. И, во-вторых, чтобы было кому убивать.

РЕМ. Ты хочешь сказать, что Адольф разберется с тобой раньше?

ШТРАССЕР. Элементарная арифметика. Если мы с вами объединяемся, то спасем свои жизни, да еще и провернем революцию. Если нет - меня убьют. Чуть раньше, чуть позже, вы или Гитлер - это уже несущественно. Я бы предпочел принять смерть от вас. Знаете, вот беседуем мы с вами, и вы мне даже начинаете нравиться.

РЕМ. Ай-яй-яй, бедолага. Как ни крутись, как ни вертись, все одно - ему крышка. Объясните мне только, а почему это Адольф не может прихлопнуть нас обоих, если мы объединимся? Ведь у него есть СС.

ШТРАССЕР. Если мы заключим союз, то отряды СА не будут разоружены. А против армии штурмовиков горстка эсэсовцев бессильна.

РЕМ. А генералы?

ШТРАССЕР. Генералы не станут марать руки политическим убийством. Они же так кичатся своими белыми перчатками... И есть еще одна, самая главная, причина, дорогой Рем, по которой Гитлер не сможет нас убить, если мы объединимся.

РЕМ. Какая?

ШТРАССЕР. Крупп. Он переметнется к нам. А Гитлер, даже получив такой щелчок, ни за что на свете не захочет настроить против себя эссенских промышленников.

РЕМ. Что ж, может, и так. Только мне-то ведь до этого дела нет.

ШТРАССЕР. Как "нет"?

РЕМ. Меня-то Адольф убивать не станет.

Штрассер (обреченно). О Господи, Рем...

РЕМ. Послушайте вы меня, слабонервный господин Штрассер. Все в вашей башке перемешалось, несете какую-то несуразную чушь. Рехнулись от страха. Основания для страха у вас, конечно, кое-какие есть - спорить не стану. Может, даже и довольно серьезные. Ладно, вы больны чумой - но зачем меня-то заражать? Вас хотят убить - ну и черт с вами, я-то здесь при чем? Вы считаете, что вас прикончит Адольф. Весьма сочувствую вам, но мне его бояться нечего. Надеюсь, это вам ясно?

ШТРАССЕР. Почему вы так уверены?

РЕМ. Потому что он - мой друг.

ШТРАССЕР. Болван...

РЕМ. Может быть, вас и вправду убьют. Будете под ногами путаться, я это сделаю и сам, без Адольфа... Но нас обоих? Бред. Или просто запугивание. И вы хотите этими детскими угрозами испугать капитана Рема, человека, прошедшего огонь и воду? Если же это бред, то я не удивляюсь - вы явно спятили. Еще расскажите мне, что Земля плоская, как лист бумаги, заявите в полицию, что вас убивают радиоволнами или заорите, что на Луне живут люди. Может, вам в больницу лечь? Вы утратили способность трезво оценивать реальную жизнь, точнее говоря, - понимать самые ее основы.

ШТРАССЕР. Это какие же?

РЕМ. Ну, скажем, веру в человека.

ШТРАССЕР. Что-что?!

РЕМ. Веру в человека. В дружбу, в боевое товарищество - в исконные и превосходные мужские качества. Без них жизнь просто распалась бы. И политика тоже. Мы с Адольфом связаны там - у самых корней жизни. Вашим извращенным мозгам это вряд ли дано понять. Поверхность Земли, на которой мы живем, тверда. Леса, долины, скалы. Но если проникнуть под зеленую поросль, спуститься под земную кору - там горячо, там кипит расплавленная магма, сердце Земли. Именно магма - источник силы и духа, эта бесформенная, раскаленная материя и есть внутренний пламень, составляющий суть всякой формы. Белое, как алебастр, прекрасное человеческое тело тоже содержит в себе этот пламень, оно оттого и прекрасно, что пламень просвечивает сквозь кожу! Знайте же, Штрассер, что эта магма движет миром, придает мужество бойцам, заставляет ставить на кон собственную жизнь, наполняет сердца юношей жаждой славы, вспенивает кровь всякого удальца, идущего в сражение. Нас с Адольфом объединяет не что-то конкретное, земное. Человек как физический объект всегда сам по себе, люди могут

сходиться и расходиться, могут предавать друг друга. Нас же сплавляет воедино бесформенная магма, кипящая глубоко под земной корой... Вы знаете историю про крысенка Адорста?

ШТРАССЕР. Какой еще крысенок? Я пришел сюда не крыс обсуждать.

РЕМ. Не хотите - не надо. Но Адорст был одной крысой, не двумя.

ШТРАССЕР. Вы красиво говорите, Рем. Пусть я вам несимпатичен, но вы мне нравитесь все больше и больше. Однако рассуждаете вы как мальчишка. Мальчишка, играющий в войну, - знаете, бегают с приятелями по лесу, пересвистываются, понарошку попадают в плен, понарошку погибают. Но вы-то ведь занимаетесь политикой, хотите вы этого или нет, вам мальчишечьи игры не к лицу - пропадете.

РЕМ. Я не политик, я - солдат.

ШТРАССЕР. И вы намерены сохранять верность даже такому ненадежному союзнику, как Гитлер?

РЕМ. Почему он ненадежный? Человеку свойственно иногда колебаться, изменять свое мнение. Но Адольф мне друг, а вот насчет всяких прочих - не знаю.

ШТРАССЕР. Ладно, пусть он - ваш друг. А вы - слепец.

РЕМ. Почему?

ШТРАССЕР. Как он вчера на вас смотрел - даже со стороны было видно, что это глаза убийцы.

РЕМ. Это оттого, что вы смотрите на мир через темные очки своих химер. Верно, вчера Адольф малость перегнул палку. Но зато мы вспоминали старые добрые времена. И сегодня тоже. Такого приятного завтрака, как нынче, у меня, по-моему, никогда не было. Настоящая товарищеская трапеза - простая, мужественная и очень германская... Глаза Адольфа вам не понравились? Да, пожалуй, они красноваты, но это от недосыпания, ведь у него столько дел.

ШТРАССЕР. Слепец... Я умею распознавать взгляд убийцы. Долгая жизнь в политике научила меня этому... Такого мрачного взгляда, как вчера, я у Гитлера никогда еще не видел. Неужели вы не заметили этого, Рем? Эти сине-черные глаза цвета зимней балтийской волны. Цвета, отвергающего все человеческие чувства. Вот такими глазами смотрят на того, кого решили убить... Я вовсе не считаю Гитлера каким-то исчадием ада. Его всего лишь затянули неумолимые шестерни необходимости. Ему - хочет он или не хочет - необходимо стать президентом. Машина пущена. Механизм завелся, генералы гонят Гитлера прямо в пасть этого агрегата. Шестерни набирают обороты, генералы давят все сильнее. Еще один толчок, и у него просто дыхание лопнет. Будь на месте Гитлера я - а я, как вам известно, и мухи не обижу, - я бы пришел к тому же выводу: Рема и Штрассера необходимо убрать.

РЕМ. Просто какой-то театр кошмара. Плод трусливого воображения... Давайте подведем итоги. Итак, вы утверждаете, что, если оставить все как есть, нас обоих убьют. А если мы заключим союз, устраним Гитлера и устроим революцию, то не только спасем свою жизнь, но и покорим весь мир. Так? Вот мой ответ. Даже под угрозой смерти я Гитлера не предаю. И на этом точка. По-моему, больше нам говорить не о чем.

ШТРАССЕР (помолчав). Что ж, Рем, я вас понял. И все-таки уделите мне еще немного времени. Я сделаю уступку. Мне это очень тяжело, но чтобы избежать худшего... Значит, так. Не будем устранять Гитлера. Задействуем и его.

РЕМ (со смехом). Как так? Кровожадного убийцу, который жаждет вас растерзать? По-моему, ты, приятель, совсем рехнулся.

ШТРАССЕР. Погодите, дослушайте. Мы объединим усилия, поддержим Гитлера слева и справа. Я сам займусь военными и посею между ними раздор. Ваши штурмовики воспользуются этим и начнут революцию. Мы провозгласим Гитлера рейхспрезидентом. Но реальная власть должна принадлежать нам двоим, Гитлер же пусть станет наивысшим государственным символом.

РЕМ. Марионеткой.

ШТРАССЕР. Да. Если мы заключим союз, мы можем это сделать. Мне - политика, вам - армия, ему - почет. Вполне осуществимый вариант. Ваша верность и ваше товарищество станут украшением истории... Для этого нужно, чтобы вы, Рем, - в конечном итоге ради самого же Гитлера, - не побоялись

на время превратиться в мятежника. Необходимо сегодня же, сейчас же привести отряды СА в состояние боевой готовности. Ни в коем случае не допускать их разоружения!

РЕМ. Теперь вы предлагаете мне устроить мятеж. Ишь, сколько у нашего фокусника запасено разных кунштюков. (Холодно.) Для ясности. Я никогда не действовал вопреки приказам Адольфа. Не намерен делать этого и впредь. Знаете почему? Во-первых, я - солдат. А во-вторых, каждый из приказов Адольфа, прежде чем подписать, показывает мне. Это приказы друга. Не правда ли, красивые отношения? Не повиновение, а дружеское согласие - вот как это называется.

ШТРАССЕР (с отчаянием). Неужели мне до вас не достучаться?! Ведь вы погибнете!

РЕМ. Скажи, какая обо мне забота! Не желаю я подавать руки негодяю. И все тут.

ШТРАССЕР. Ни при каких обстоятельствах?

РЕМ. Ни при каких.

Пауза.

ШТРАССЕР. Понятно. Раз я негодяй, говорить нам действительно не о чем. Сейчас мы распрощаемся и погибнем оба. Это яснее ясного. Вас убьет ваш друг ГИТЛЕР. Очевидно, это более завидная доля, чем моя.

РЕМ. Вот кретин. Как может Адольф убить меня?

Штрассер (в сторону). Господи, какой дурак.

РЕМ. Конечно, история знает немало примеров того, как идеи, возвращенные в больном мозгу, подрывали прекрасную мужскую дружбу. Но чтобы Гитлер убил Рема? Никогда. И ход истории подтвердит мою правоту. Если, конечно, это будет история людей, а не... Штрассер, вы больны.

ШТРАССЕР. Как и вы, Рем.

РЕМ. Надо нам обоим за лето поднабраться сил.

ШТРАССЕР. Не будет у нас на это времени.

РЕМ. Учитесь у Гинденбурга. Одной ногой в могиле уже, а как за жизнь цепляется.

ШТРАССЕР (обессиленно приподнимается с кресла, но вдруг порывисто наклоняется к Рему и хватает его за колено). Рем, умоляю! Спасите меня. Только вы можете это сделать... Спасая меня, вы спасетесь и сами! Не упускайте этого шанса, второго уже не будет! Только вы, только вы в силах спасти нас обоих!

РЕМ (холодно отстраняется). Хочешь подохнуть - подыхай. Убьют тебя, говоришь? Ну и черт с тобой. А то ведь и я могу взять и вышибить из тебя душу, прямо сейчас.

ШТРАССЕР. Давай. Вышиби. Лучше уж мне умереть сейчас. Предпочитаю принять смерть от руки дурака, а не холодного, зловещего умника. А с тобой мы так и так вскоре встретимся. На том свете. Доставай свой пистолет, пали.

РЕМ. Я бы с удовольствием, да приказа пока не было.

ШТРАССЕР. Какого еще приказа?

РЕМ. Приказа Адольфа Гитлера.

ШТРАССЕР. Вот это будет картинка, когда ты получишь приказ прикончить самого себя.

РЕМ. Кретин!.. Дать тебе, что ли, в зубы, чтоб ты заткнулся?

ШТРАССЕР. Гитлер уберет тебя. Это так же несомненно, как то, что солнце всходит на востоке.

РЕМ. Ты опять за свое?

ШТРАССЕР. Нет, мне никогда не понять этой идиотской доверчивости!

РЕМ. Я ухожу. Нет у меня времени болтовню разводить с психами. Эх, лето на Висзее. Поселюсь на берегу, в отеле, и ни одного слюнявого интеллигентшишки, вроде тебя, на пушечный выстрел к себе не подпущу. Только веселых сорвиголов, золотоволосых и голубоглазых, как боги. Впереди - отдых, привал мощных и прекрасных воинов, каждый из которых не уступит самому богу Бальдру. Приказ Адольфа будет исполнен. (Идет прочь.)

ШТРАССЕР. Постой. Хочу дать тебе один совет. Я действительно испытываю к тебе симпатию. Совет искренний - прислушайся. (Рем, не оборачиваясь,

идет со сцены.) Рем! Если ты и в самом деле собрался на Висзее, отправь туда же хорошую охрану. В этом нет подвоха - я желаю тебе добра!

РЕМ (оборачивается у самой кулисы и язвительно улыбается). Персоналом СА командую я. И попрошу не указывать мне, кого и куда отправлять.

Рем надевает фуражку, щелкает каблуками, с преувеличенной торжественностью салютует и, развернувшись "кругом", удаляется. Штрассер обессиленно падает в кресло. Потом резко вскакивает и бросается вслед за Ремом. Сцена некоторое время остается пустой. Слышно воркование голубей. С другого конца сцены входит Гитлер, в руке его - белые перчатки. Он раздраженно прохаживается взад-вперед, мучительно над чем-то размышляя. Подходит к балконной двери, стоит погруженный в раздумье, словно никак не может принять решение. Наконец обеими руками резко захлопывает балконную дверь. Решение принято. Гитлер выходит на авансцену и подает в зрительный зал знак взмахом белых перчаток - влево и вправо.

ГИТЛЕР (влево). Геббельс... (Вправо.) Гиммлер... Я отправляюсь в путешествие. Мои указания по известному вам делу отправлю с дороги, с секретным курьером. Как только получите их, немедленно приступайте к исполнению - и чтобы строжайшая секретность! Операцию провести четко, без колебаний. И никакой пощады. Ну а теперь займитесь подготовкой. (Кивает обоим, отпуская их. Затем выходит в центр сцены и стоит там один, повернувшись к зрителям спиной.)

ЗАНАВЕС

Действие третье

30 июня 1934 года, полночь. Прошло несколько дней. Декорация та же. Ярко горит люстра. Появляется Крупп - как всегда с тростью. Садится на стул, ждет. Некоторое время спустя с противоположной стороны выходит Гитлер, одетый в военный мундир. Он бледен, изможден, глаза запали.

КРУПП. А-а, с возвращением. Я слышал, вы были в путешествии. Что означает сей срочный вызов?

ГИТЛЕР. Прошу извинить, что заставил ждать, господин КРУПП. Прошу также извинить за этот вид. Чрезвычайное положение - с самого приезда все нет времени форму снять.

КРУПП. Боже, какой цвет лица, Адольф. Вы, верно, не сомкнули глаз?

ГИТЛЕР. Надеюсь, вы не в обиде на меня за полуночный вызов - давайте считать, что мне невмоготу проводить бессонную ночь в одиночестве.

КРУПП. Что ж, приятно, когда в тебе нуждаются... Из-за этой проклятой сырости так разлилось колено, что я и сам не прочь скоротать бессонную ночь за беседой.

ГИТЛЕР. Вот и отлично.

Пауза.

КРУПП. Значит, дело все-таки сделано.

ГИТЛЕР. Да. Это была необходимая мера.

КРУПП. Обоих?

ГИТЛЕР. Обоих.

КРУПП. Расстреляна также вся верхушка СА, да? Я слышал, что обыватели, живущие поблизости от Рихтерфельтского военного училища, в ночь с субботы на воскресенье не могли уснуть от залпов, доносившихся с плаца. Неужто в самом деле расстреляны четыреста человек?

ГИТЛЕР (подсчитывает в уме, сбивается, нервно загибает пальцы). Да... Триста семьдесят... Пока.

КРУПП. Работа немалая. Генералы, я полагаю, будут довольны. Но как это воспримут так называемые народные массы? Не взорвутся ли улицы демонстрациями?

ГИТЛЕР. Я намерен произнести речь в рейхстаге. Официально будет названо число казненных... (снова считает) семьдесят... нет... восемьдесят человек.

КРУПП. Я полагаю, в вашей речи будут приведены веские обоснования смертных приговоров, вынесенных Рему и Штрассеру?

ГИТЛЕР. Естественно. Начать с того, что Рем погряз в коррупции...

КРУПП. Ну, не он один...

ГИТЛЕР. Во-вторых, жестокость в обращении с людьми...

КРУПП. Каковая свойственна всей национал-социалистической партии.

ГИТЛЕР. В-третьих, распутство, причем самого отвратительного, извращенного свойства.

КРУПП. А это, если воспользоваться собственными словами покойного, сладкий сок, которым питается жук-носорог.

ГИТЛЕР. Главное же то, чего простить нельзя, - Рем готовил мятеж. Когда я раскрою этот чудовищный замысел, весь народ одобрит принятые мною меры.

КРУПП. Удивляет то, что заговор раскрылся, когда многие его участники уже успели отправиться на тот свет. Если заговор был столь уж чудовищен, он бы обнаружился на более ранней стадии, не так?

ГИТЛЕР (срывается на крик). Чего вы, собственно, добиваетесь?!

КРУПП. Адольф, вы раздражены. Кричать на старика уж во всяком случае не следует.

ГИТЛЕР. Хорошо, я буду спокоен. Говорите все, что хотите, только не оставляйте меня.

КРУПП. Пролилась кровь. В такую ночь, как сегодня, нельзя искать забвения в вине или, скажем, женщинах - нужно с головой окунуться в мысли об этой крови. Вот скорейший путь к выздоровлению, уж поверьте человеку, прожившему долгую жизнь. Адольф, вы очень устали. Вам в уши влилось столько крови - ее надо откачать, иначе она хлынет на пол, впитается в паркет... К счастью, я располагаю куда более полной информацией, чем вы, и могу вам кое-что рассказать. Чем выше поднимается человек по ступенькам власти, тем больше отдаляется он от источников точной информации.

ГИТЛЕР. Я вижу, вы решили воспользоваться моим позволением говорить все, что хотите.

КРУПП. О Штрассере. Его арестовали здесь, в Берлине, в субботу, в полдень. Очень быстро - он и пообедать не успел. Отвезли в тюрьму на Принц-Альбрехт-штрассе и прикончили. Никакого суда, разумеется, не было, но вот не знаю - покормили его все-таки в тюрьме обедом или нет. Этот вопрос меня волнует - неужели беднягу прихлопнули на пустой желудок?.. В то же самое время в дверь особняка, где живет генерал фон Шлейхер, позвонили. Генерал открыл и был прямо в приемной изрешечен пулями. Пристрелили и супругу генерала. О, у ваших эсэсовцев было очень много работы! Подобных, весьма своеобразных визитов вежливости им пришлось нанести немало. Летучих отрядов смерти было много - как и клиентов.

ГИТЛЕР. А как встретил смерть Штрассер? Может быть, вам известны и такие, совсем уж пикантные подробности?

КРУПП. Увы. Впрочем, я предполагаю, что, против ожиданий, Штрассер встретил смерть спокойно и без особой суетливости. Мужчина он был хилый, да еще без обеда остался, - вероятно, умер тихо, как растение. Очень был умный человек. Вам бы следовало предложить ему чашу с ядом, как Сократу.

ГИТЛЕР (с яростью). Уж этого-то мерзавца надо было просто на куски разорвать. (Встает и продолжает по-ораторски,) Этот подлый интриган, прикидывавшийся другом рабочего класса, вступил в сговор со старыми лисицами из рейхсвера. Он замышлял свергнуть нашу власть, жидовствующий интернационалист, вошь на теле новой Германии, гнусный заговорщик, дерьмо! Гнилой интеллигентшика, все пытавшийся протащить в жизнь идейки из студенческих газетенок! Расследование будет продолжено. Как знать, не обнаружатся ли ниточки, тянущиеся в Москву?!

КРУПП. Да-а, просто исчадие ада. Этот человек умер из-за того, что никак не мог примириться с реальностью и понять - время революций кончилось. А что касается Рема...

ГИТЛЕР. Мне сказали, что Рем перед казнью кричал и бился. Но - ни

единого упрека в мой адрес. Все вопил: "Это козни Геринга!"

КРУПП. Исключительного здоровья был мужчина. Его выволокли из мягкой постели в отеле и вместе со всеми его адъютантами переправили в Мюнхен. Беднягу расстреляли в той самой тюрьме Штадерхайм, где он сидел десять лет назад, после Мюнхенского путча. Что ж, расстрел был подходящей для него смертью... Бился и кричал, говорите?

ГИТЛЕР. Так мне доложили. Неприятно.

КРУПП. Что ж удивляться - произошло нечто, с его точки зрения, абсолютно невероятное.

ГИТЛЕР. Вы говорите таким тоном, словно Рем - невинная жертва. (Гневно.) Нет, Рем виновен. Виновен! У меня есть все доказательства его измены. О, он был виновен очень во многом, господин Крупп. Я не мог более закрывать глаза на его преступления. Рем и в самом деле считал себя моим другом, не понимая, что одно это уже преступно. И хотел, чтобы я тоже был ему другом, - а это преступно вдвойне. Ему все грезилось минувшие дни. Он воображал себя чуть ли не легендарным героем! Игра в солдатики для него была важнее всего на свете. Ах, как он обожал спать под звездным небом, закутавшись в драное солдатское одеяло. Человек был членом кабинета министров, а все дурил мне голову своими мечтами. Разве это не преступление?.. Рем был убежден, что он - самый мужественный, самый доблестный, самый сильный. И это тоже преступление... Он умел только одно - отдавать приказы. Даже эта его так называемая преданность очень смахивала на отдавание мне приказов. Тоже преступление!

КРУПП. Ночь, сырое берлинское небо и перечень злодеяний усопшего? Ничего не скажешь, траурный митинг удался на славу.

ГИТЛЕР. И все же в одном Рем был прав, попал в самую точку. Он любил повторять: "Эрнст - солдат, а Адольф - художник". Меня это очень бесило. А теперь я думаю, что слово "художник", которое он произносил снисходительно, приобретает новый масштаб, и не снисходящему Рему. Он-то умел только фантазировать, настоящего же воображения был начисто лишен. Потому-то и не понял, что обречен, потому-то и не достиг уровня подлинной безжалостности. Его уши воспринимали только громохание военного оркестра, а ему следовало бы, как это делаю я, побольше слушать Вагнера. Не дорос он до понимания того, что такое Красота. Для того чтобы сотворить на земле Красоту, необходимо во что бы то ни стало ухватить самую суть ее, корень Красоты - как ты ее представляешь себе сам. Помнится, вы как-то спросили, способен ли я ощутить себя бурей. Это все равно что понять: почему я - буря. Понять, отчего я рокочу громовыми раскатами, отчего темнею, отчего безумствуют во мне ветер и дождь. Понять - почему я велик. И этого мало. Нужно понять, почему своим уделом я избрал разрушение. Почему я валю наземь огромные засохшие деревья, а нивы питаю живительной влагой. Лица немецких юношей казались изможденными в свете витрин еврейских магазинов, я же, подобно богу-громовержцу, озарил эти лица вспышками молний и воспламенил их новой жизнью! Почему так необходимо мне, чтобы каждый немец обрел вкус к высокой трагедии?.. Это - моя судьба.

КРУПП. Значит, будет буря? Смотрите (выходит на балкон) - небо черным-черно, ни единой звездочки, лишь мрачные тучи, похожие на груды трупов... Ночной воздух просто гибель для моего колена, но в комнате нечем дышать, отовсюду несет кровью... Адольф, расстрелы еще продолжаются?

ГИТЛЕР. Должны.

КРУПП. А отсюда выстрелов не слышно. В какой стороне Рихтерфельд?

ГИТЛЕР (подходит к балкону и показывает влево). Вон там. (Тут же возвращается обратно.) Сейчас уже убирают всякую мелкую сошку.

КРУПП. И все - моими винтовками. Из лучшей в мире крупповской винтовки и пулю получить - одно удовольствие. Иногда я представляю себя винтовкой: вот наконец насытила она свой голод, настрелялась по человеческим телам; ее хозяин, солдат, получил увольнительную и ушел в бордель, а она сладко спит на своей дубовой подушке в ружейном шкафу... Как я завидую тем, кто может спать.

ГИТЛЕР (сам с собой). Эрнст - солдат, Адольф - художник... Нет, надо так: Эрнст был солдатом. А Адольф отныне станет художником.

Крупп (с балкона). Вы что-то сказали, Адольф?
ГИТЛЕР. Нет, ничего.
КРУПП. Пойдите-ка сюда.
ГИТЛЕР. Нет Рема, так теперь вы мне будете приказывать?
КРУПП (эти слова производят на него такое действие, что он роняет на пол свою трость). А, проклятье!
Гитлер (не поднимаясь из кресла). Что такое?
КРУПП. Вы видите. Я уронил свою трость!
ГИТЛЕР. И хотите, чтоб я вам ее поднял?
КРУПП. Да нет. Я не... (Несвойственным ему просительным тоном). Я бы поднял сам, но колено... Не могу согнуть, очень болит.
Гитлер (не поднимаясь). Сейчас иду. (Крупп стоит, опершись рукой о балконную дверь, и ждет. Гитлер, откинувшись в кресле, угрюмо напевает).
Вместе погибнуть, вместе сражаться. Взявшим винтовки на этом пути. В битве кровавой пусть загорятся Алые маки на нашей груди. (Тихо смеется - горько и безжалостно.)
Крупп (жалобно). Адольф!
ГИТЛЕР (словно очнувшись, легко поднимается с кресла). Да-да, прошу прощения. (Подбирает с пола трость и с преувеличенной почтительностью подает ее Круппу.) Очень болит, да?
КРУПП. Ох, спасибо. Благодарю. Все в порядке.
ГИТЛЕР (ласково берет его под локоть). Как же вы так, нужно осторожнее... Вы просили меня подойти? Простите, я немного задумался. Так что такое?
КРУПП. М-м... Собственно... Забыл, что хотел сказать.
ГИТЛЕР. Ну ничего, потом вспомните. Пойдемте-ка в комнату, тут вам стоять вредно.
КРУПП (делая шаг). Ах да, вспомнил. Адольф, выйдем-ка на балкон... Прислушайтесь. Слышите?
ГИТЛЕР. Что слышу?
КРУПП. Залпы.
ГИТЛЕР. Отсюда? Не может быть...
КРУПП (страстно). Ах, не может? Вы так считаете? А ведь там выполняют ваш приказ. Вы должны это слышать. Я хочу, чтобы вы напрягли свой слух и все-таки услышали эхо выстрелов - оттуда, из-за высокой, глухой стены училища.
ГИТЛЕР. Ерунда какая-то. Да и небезопасно мне такой темной ночью выходить на балкон - а вдруг покушение... (Неохотно выходит на балкон.) Я слышу только лязг вагонных колес, доносящийся с вокзала... Гудки автомобилей... Вся Унтер-ден-Линден утонула в густой тени деревьев - темно, звезд не видно.
КРУПП. Неужто не слышите? Ведь это ваши залпы!
ГИТЛЕР. Я понимаю, что вы хотите сказать. Моторист не может не слышать шум работы мотора, которым привел в движение эту кровавую ночь.
КРУПП. Именно так, Адольф. Слушайте этот гром, впитывайте его, пусть ваше воображение рисует самые кровавые картины - вот путь к возрождению и исцелению. Иначе вам себя не обрести. Только этим лекарством можно вылечить бессонницу.
ГИТЛЕР (оживившись). Вы правы, господин КРУПП. Кажется, я и в самом деле слышу... Вот залп... Запоздавший выстрел... Еще один... Что подделаешь - сноровки пока маловато.
КРУПП. Слышите? Гром выстрелов, дырявящих мундиры офицеров СА.
ГИТЛЕР. Да, слышу. Нерационально. Расстреливать надо не поодиночке, а выстроив в ряд. Слышу... Залп... Целься! Пли!.. Пли!.. Пли!.. Я все вижу... Завязанное платком лицо дергается. Тело изгибается, как древко лука. Подбородок красен от хлынувшей изо рта крови. Голова падает на грудь, и человек рухнул, как подстреленная птица. Мертв... Смотрите - все они в форме СА. Уже одно это свидетельствует об измене, ведь я отдал приказ, запретивший им носить форму... Четыреста мундиров, так любовно придуманных самим Ремом, пробиты пулями и пропитаны кровью. А их владельцы, словно манекены в тире, падают, подстреленные, в вырытые рвы...

Пли!.. Огонь!.. Пли!.. Те самые бесшабашные здоровяки, маршировавшие за Ремом, рассекая грудью встречный ветер. Их молодым жизням, их вере в силу одних только бицепсов - конец... Все кончено: игра в солдатики, болтовня о братстве, дурацкие парады на рассвете, пение в пивных, потуги на рыцарство... Ностальгия... Сантименты о фронтовом товариществе... Кончено. И конец революции, о которой они так мечтали... Пули моих эсэсовцев изрешетили эту инфантильную мечту, изрешетили вместе с разукрашенными золотом мундирами... Всякой игре в революцию - конец.

КРУПП. Всякой? Да, вряд ли еще кто-нибудь захочет революции. Ей нанесен смертельный удар. Теперь поддержка генералов вам обеспечена. Вы стали полноправным и законным претендентом на пост рейхспрезидента. Иного пути не было.

ГИТЛЕР (ведет Круппа с балкона в комнату, придвигает ему кресло).
Господин Крупп, это последние выстрелы, когда немцы стреляют в немцев...
Все проблемы разрешены.

КРУПП (непринужденно откинувшись в кресле). Пожалуй. Теперь мы со спокойным сердцем можем вам доверять. Во всем. Хорошо сработано, Адольф. Удар мечом влево, и тут же - удар вправо.

ГИТЛЕР (выйдя на середину сцены). Именно так. Политик должен держаться середины.

ЗАНАВЕС